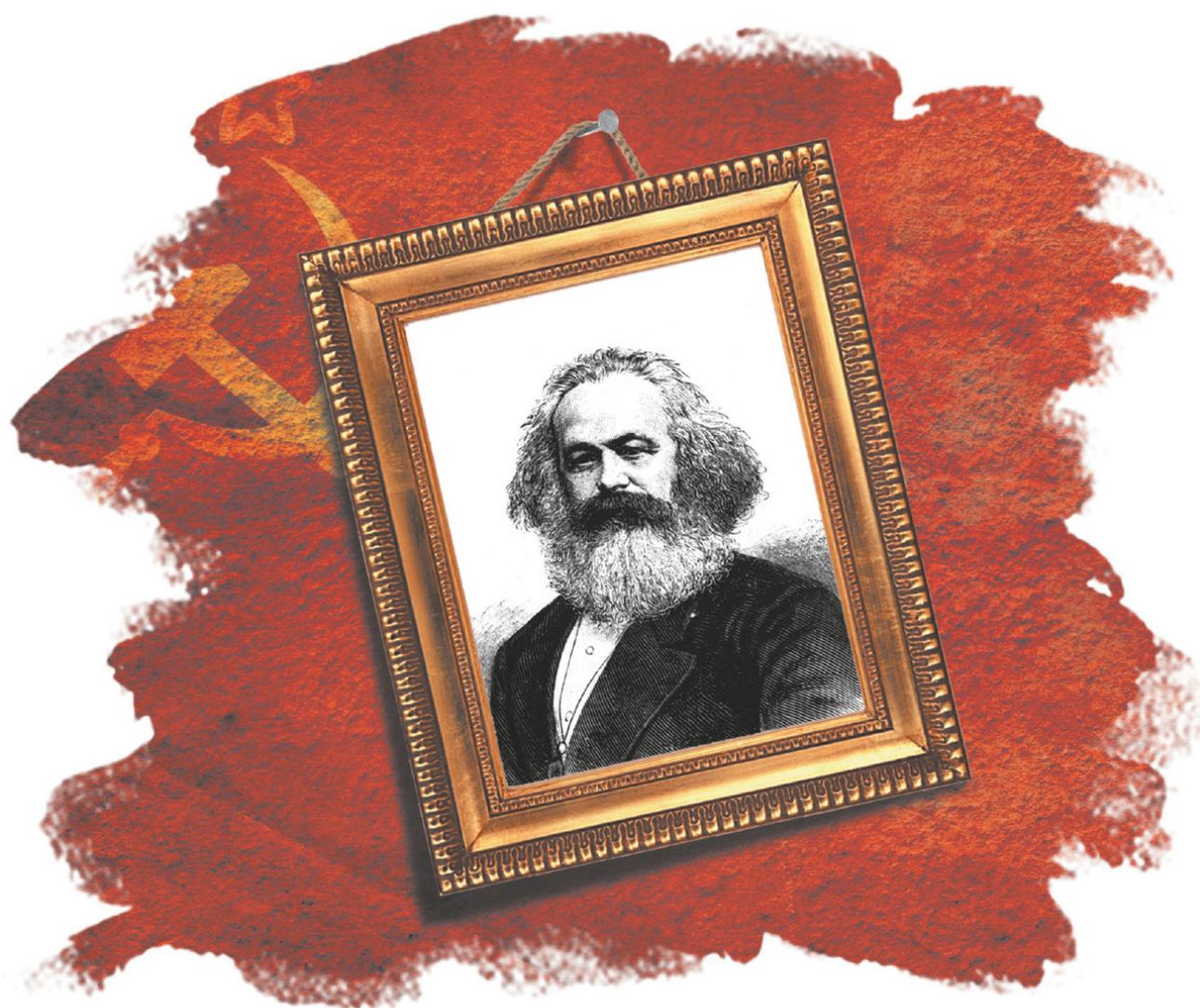

ФИЛОСОФСКАЯ

И ПАДЕНИЕ ДОГМАТИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА В РОССИИ

ОТТЕПЕЛЬ

Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова

в воспоминаниях его выпускников

**Философская оттепель и падение
догматического марксизма в
России. Философский факультет
МГУ им. М. В. Ломоносова в
воспоминаниях его выпускников**

«Нестор-История»

2017

УДК 101.1
ББК 87.3

Философская оттепель и падение догматического марксизма в России. Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова в воспоминаниях его выпускников / «Нестор-История», 2017

ISBN 978-5-4469-1008-3

В этом издании собраны воспоминания студентов и преподавателей философского факультета МГУ 50–60-х гг. прошлого столетия. Это было время кризиса догматического марксизма-ленинизма, на основе которого строилась университетская программа преподавания философии. На факультете возникали новые реформаторские концепции о предмете философии, расширялась сфера изучения истории философии, появлялись новые философские дисциплины. Всё это привело к острому столкновению догматизма и новаторства, дискуссиям о предмете философии. В центре книги – знаменитое обсуждение тезисов преподавателей Э. Ильенкова и В. Коровикова. Оба преподавателя были изгнаны с факультета. Но в конечном счете победило новаторское мышление, которое открыло путь к творческому развитию философской науки.

УДК 101.1
ББК 87.3

ISBN 978-5-4469-1008-3

, 2017

© Нестор-История, 2017

Содержание

Предисловие	6
Из истории факультета	9
В. В. Соколов. Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России	9
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Философская оттепель и падение
догматического марксизма в
России. Философский факультет
МГУ им. М. В. Ломоносова в
воспоминаниях его выпускников**

© В. П. Шестаков, составление, общая редакция и предисловие, 2017

© Издательство «Нестор-История», издательская подготовка, 2017

Предисловие

Эта книга выходит в свет к 75-летию юбилею философского факультета Московского университета имени М. В. Ломоносова. Философский факультет возник с самого начала основания университета в 1755 году. Но его судьба была не слишком счастлива, существование факультета постоянно прерывалось. Поэтому реальной датой возникновения факультета считается его воссоздание 25 декабря 1941 года в Ашхабаде, куда был эвакуирован университет на время войны. Здесь были основаны на базе МИФЛИ кафедра и факультет философии, которые существуют и по настоящее время.

Однако написание этой книги было продиктовано не столько счастливым событием юбилея. Этому способствовали и другие события в отечественной философии. Начиная с нового XXI столетия в России появилась обильная мемуарная литература о философах и философских учреждениях. Возникла настоятельная потребность осмыслить и оценить роль философии в советский период существования нашей страны. Можно сослаться на десяток книг, изданных в это время. Большой вклад в изучение философского наследия внес Б. В. Бирюков, издавший три чрезвычайно информативных тома под общим заголовком «Трудные времена философии» (2006, 2008, 2009). Содержательная и аналитическая книга принадлежит Н. В. Мотрошиловой – «Отечественная философия 50–80 годов XX века и западная мысль» (М., 2012, 2-е издание в 2016). Один из старейших преподавателей философского факультета В. В. Соколов издал прекрасную книгу «Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. Воспоминания и мысли запоздалого современника» (М., 2014). Изданы также воспоминания о выдающихся философах середины XX в.: В. Ф. Асмусе, А. Ф. Лосеве, Э. В. Ильенкове, А. С. Зиновьеве, М. К. Мамардашвили. Замечательное документальное издание подготовил коллектив авторов во главе с Еленой Иллеш «Эвальд Ильенков, Валентин Коровиков. Страсти по тезисам о предмете философии. 1954–55». (М., 2016). Под редакцией В. А. Лекторского опубликованы 22 тома «Философия России второй половины XX века».

Среди этой литературы надо выделить две монументальные книги: «Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова: страницы истории» (Издательство МГУ, 2011) и «Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН» (Прогресс-Традиция, 2009). Это содержательные и значительные книги. В первой описывается история философского факультета и рассказывается обо всех его деканах, во второй повествуется об истории Института философии и биографиях всех его директоров. Иными словами, в этих трудах рассказывается о руководителях, точнее сказать, генералах философского фронта. Но, как известно, войны выигрывают генералы, но в окопах воюют солдаты. Отдавая должное двум этим книгам, приходится констатировать, что в них еще не прозвучал голос студенчества, тех, кто учился и преподавал на философском факультете в те времена, когда в философии произошли коренные перемены. Следует сказать, что в середине прошлого века именно студенты поддержали те революционные процессы, которые происходили на факультете и привели к крушению догматической марксистско-ленинской идеологии. Поэтому цель настоящей книги – дать возможность рассказать о философском факультете не только тем, кто им руководил, но и тем, кто на нем учился.

Главный акцент в данной книге делается на период 50–60-х гг. прошлого столетия, когда в условиях начинавшейся перестройки произошел резкий поворот от традиционного марксизма-ленинизма к новому философскому мышлению. В послевоенный период на факультет пришли многие участники войны, они побывали в других странах и познакомились с традициями европейской культуры, от которой СССР был оторван в течение многих десятилетий. Смерть И. В. Сталина и начинавшаяся оттепель стимулировали новый интерес к западной философии и пересмотр традиций отечественной философской мысли. Старшее поколение,

пришедшее с фронта, поддержала молодая генерация студентов, которые попали на философский факультет прямо из школы. Это было замечательное время, время творческих открытий, свободных дискуссий, общения студентов с молодыми преподавателями. На факультете начали работать тематические кружки, издавался никем не цензурированный журнал научного студенческого общества (НСО), в котором печатались работы студентов, рецензии на книги, философские новости, в частности переписка с венгерским философом Георгом Лукачем и т. д.

Во главе революционного, по сути дела, преобразования философии встали два молодых преподавателя, оба бывшие фронтовики: Эвальд Ильенков и Александр Зиновьев. Оба они выступили в одно и то же время, оба исследовали одну и ту же проблематику, основанную на изучении методологических проблем в «Капитале» Маркса. Как справедливо пишет В. А. Лекторский, «оглядываясь назад, я особенно ясно представляю себе революционную роль для нашей философии того, что Ильенков и Зиновьев сделали в середине и второй половине 50-х гг. Дело не только в том, что они были родоначальниками интересных школ в определенной области философии. Их идеи и программы означали принципиальный рубеж, новую точку отсчета в развитии нашей философии в целом. Так же, как делим немецкую философию на докантовскую и послекантовскую, а русскую литературу на допушкинскую и догоголевскую и послепушкинскую и послегоголевскую, так же мы можем делить советскую философию послевоенного времени на доильенковскую и дозиновьевскую и послеильенковскую и послезиновьевскую. Работы Ильенкова и Зиновьева означали создание совершенно новой ситуации в нашей философии, задание новой проблематики. Это было как бы открытием нового мира. И новых, по-настоящему философских методов исследования. Те, кто работал в нашей философии после них, сколь далеко ни расходились их идеи между собой и сколь сильно бы они ни отходили в некоторых пунктах от идей своих учителей, были бы невозможны без Ильенкова и Зиновьева»¹.

Мы, студенты философского факультета, воспринимали Ильенкова и Зиновьева как двух равноправных и равнозначных по авторитету и знаниям учителей. На факультете не было никакой борьбы между «ильенковцами» или «зиновьевцами». Эта борьба появилась, по-видимому, гораздо позже, когда стали спорить, кому принадлежит право первенства в решении методологических проблем, кто оказался наиболее влиятельным в философской среде и т. д.

На мой взгляд, каждый внес свой адекватный вклад в постановку и решение абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. Некоторые считают, что Зиновьев раньше, чем Ильенков, подошел к этой проблеме, и поэтому ему принадлежит пальма первенства. Но если говорить о силе и широте влияния, то, несомненно, Ильенков оказал большее влияние на молодых преподавателей, поскольку как преподаватель он был ближе к массе студентов, чем Зиновьев. Оба они решали одну проблему, но подходили к ней с разных сторон. Впрочем, А. Зиновьев сам довольно четко определил разницу в этих подходах. Он говорил, что исходил прежде всего из логических принципов, чтобы «вычленил логическую структуру “Капитала”», а Ильенков подходил к проблеме с историко-философских позиций. Иными словами, один – как логик, другой – как философ. Конечно, при этом сказались и разница в темпераментах. Зиновьев выступал как борец, как воин, атакующий банальность и догматичность, Ильенков был учителем, наставником².

Впервые к преподаванию на философском факультете были допущены философы старой школы, получившие образование в дореволюционное время. Среди них следует выделить

¹ Беседы с В. А. Лекторским // *Митрохин Л.* Мои философские собеседники. М., 2005. С. 339.

² Отношения Зиновьева и Ильенкова напоминают отношения другой пары выдающихся мыслителей, которые встречались и дискутировали между собой в Кембридже: Людвига Витгенштейна и Карла Поппера. Один исходил из логики языка, другой – из логики философского мышления, отраженной в истории философии. Антиномичность их методологии отражена в книге английских авторов Дэвида Эдмондса и Джона Фейдиноу «Философская кочерга» (рус. пер. 2004).

Алексея Федоровича Лосева и Валентина Фердинандовича Асмуса. Правда, Лосев пробыл на факультете всего несколько месяцев и затем был уволен за преподавание идеализма. Ему пришлось заниматься классической филологией и преподавать античную литературу. Возвращение Лосева в философию произошло только после того, как сотрудники «Философской энциклопедии» привлекли его к написанию статей на философские темы. До этого большинство молодых студентов-философов долгое время даже не знали имени и работ Лосева.

В. Ф. Асмус преподавал на факультете около десяти лет, пока он не перешел в Институт философии, поэтому общение с ним и воспоминания о нем были более частыми. Некоторые студенты посещали его московскую квартиру и его загородный дом в Переделкино. Похороны Асмуса стали событием исторического масштаба, о них вспоминают так же, как вспоминают похороны Бориса Пастернака, на которых Асмус выступил с прощальной речью. Сегодня творческое наследие Асмуса издается и переиздается. В 2015 г. издательство URSS с помощью и при поддержке сыновей Асмуса опубликовало семь томов собрания сочинений философа.

Философское наследие, накопленное в стенах философского факультета, нуждается не только в собирании, но и в защите. Сегодня становятся модными нападки на 60-е гг. Так, политолог А. С. Ципко, который сам, как ни странно, окончил философский факультет, где прилежно изучал марксизм, в сегодняшних экономических и идеологических трудностях обвиняет интеллигенцию, в частности философов того времени. В статье «Перестроить страну по китайскому пути нам помешала интеллигенция» он, обвиняя Горбачева, пишет: «Будущий генсек оказался в одной компании с друзьями Раисы Максимовны – Левадой, Грушиным, Мамардашвили. Они жили на Стромынке, и бывший комбайнер Горбачев приходил к ним, сидел и слушал этих философов-диссидентов, рассуждающих о возможности построить “социализм с человеческим лицом”³. По мнению этого политолога, нужно было строить не «человеческое общество», а пойти по китайскому пути, отказаться от перестройки и реформ, а заодно и от достижений современной философской мысли. Еще неизвестно, насколько могут быть прочны экономические и идеологические контакты с Китаем. Впрочем, каждому свое. Ципко не нравится «социализм с человеческим лицом», он предпочитает «капитализм с китайским лицом».

Настоящая книга ставит перед собой цель представить воспоминания тех, кто учился или преподавал на философском факультете в период реформ и революционных преобразований, чьи работы сегодня вошли в интеллектуальный фонд отечественной мысли. К сожалению, молодое поколение нашей страны уже забывает о том, какими трудами, интеллектуальными и моральными жертвами было достигнуто преодоление догматического марксизма-ленинизма, общение русской философии с мировой философской мыслью. Во главе этого движения стояли студенты и молодые преподаватели, которые подвергались незаслуженной критике, увольнению с факультета. Некоторые из них были отлучены не только от профессии, но и от Родины, как это было с Александром Зиновьевым, Валентином Коровиковым, Борисом Шрагиным и многими другими. Восстановить память о тех, кто открывал путь к свободе мышления в области философской мысли, – цель этой книги.

Необходимо предупредить читателя, что в настоящей книге печатаются работы разного жанра и стиля: исторические статьи, мемуарные очерки, интервью. Мы не стремились свести все работы к какому-то одному стилю, предоставляя авторам полную свободу выражения их взглядов и мнений. В чем-то они совпадают, в чем-то расходятся. Надеемся, что именно это разнообразие голосов вызовет интерес читателей к содержанию этой книги.

³ Комсомольская правда. 2015. 7 мая. С. 8.

Из истории факультета

В. В. Соколов. Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России

Я родился в разгар Гражданской войны в крестьянской семье и хорошо помню доколхозную, нэповскую и колхозную Русь. Я довольно поздно по нынешним временам научился читать (по молитвеннику моей матери). Стал, как тот Петрушка, читать всё, что попадалось под руку (к сожалению, очень мало книг тогда, в конце 20-х гг., можно было достать даже в нашем огромном селе). Это было время зарождавшегося движения пионеров, отношение к которым населения, почти поголовно посещавшего церковь, было враждебно-ироническим («пионеры юные, головы чугунные, руки оловянные, черти окаянные»). Я, мальчик довольно шустрый, стремившийся ко всему новому, стал неформальным лидером сельских пионеров. Активно помогал «избачу» (парторгу местной ячейки, присланному из губернии-области); играл с успехом на сельской клубной сцене в антицерковных агитках, от пионеров принял участие в «красных крестинах»: у одной девицы родился «нагульной» младенец, что было тогда на селе величайшим позором безотцовщины, и она согласилась на такие «крестины». Сначала держал речь парторг, потом он передал младенца комсомольцу, тот после каких-то слов вручил его мне, и я произнес: «Берем и клянемся воспитывать», а затем возвратил его парторгу, который провозгласил «красное» имя дитяти: Ким (Коммунистический интернационал молодежи). Через несколько месяцев я услышал, что мать его тайком всё же крестила в церкви, а в селе его стихийно «переименовали» в Акима. Помогал я парторгу и в других «прогрессивных» начинаниях. Когда в самом конце 1929 г. начались настойчивые призывы – с инициативным участием приезжих агитаторов – организовать большой колхоз и многие из мужиков яростно выступали против, я, по увещеванию того же парторга, возглавил пионеров (и непионеров), и мы своим ревом заглушали «отсталых» ораторов, чтобы они не смущали «передовых». А в марте 1930 г., после публикации «исторической» статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов», я с грустью наблюдал, как все, и «отсталые», и «передовые», уводили из конюшен своих лошадей, забирали сани, телеги и другую утварь. За какую-нибудь пару дней колхоз распался (заново и под усиленным давлением он был организован в меньших масштабах года через два).

Сомнений в правильности моих «передовых» настроений и мыслей у меня самого было мало, но их критики у мужиков, с которыми я любил беседовать, было сверхдостаточно. Помню также, как однажды приехавший из Москвы отец усмехнулся над моей богомольной матерью, сказавшей ему по какому-то поводу: «Что же, по-твоему и Бога нет?!» На что он «аргументировал»: «Если бы он был, то коммунистов давно бы разогнал!» Возражать ему я не мог, а в душе очень удивился: «Какой отсталый!» (ему тогда не было и сорока).

Учился я, как говорил учитель нашей сельской четырехклассной школы моим родителям, очень хорошо, стремился учиться и дальше, но продолжать учебу в далеком районном центре не было возможности. Отец мой, деревенский кузнец и специалист в других направлениях, перебрался в Москву, и в согласии с матерью перебросили и меня туда – к дяде по матери. И я стал учеником ФЗС (фабрично-заводской семилетки). Отец, однако, погиб в 1931 г., и я проживал, обучаясь в той же школе, и у того же дяди, и у других родственников (по отцу), будучи полубеспризорным (в последних пребываниях добираться до школы было довольно далеко), хотя родные, простые рабочие, относились ко мне тепло. В школе я быстро стал одним из первых учеников.

В летние (иногда и в зимние) каникулы в те полугодные времена я приезжал к матери (у нее оставался младший брат) в колхоз, помогая ей, как мог, увеличивать ее «трудодни» (в основном в правлении колхоза, как уже довольно грамотный субъект).

Но в школе у меня возникали всё более серьезные осложнения идеологического плана. Где-то в начале 8-го класса я взбунтовался против преподавания истории по обязательной тогда «Русской истории в самом сжатом очерке» – книге марксистско-вульгаризаторской. Ее автор – старый большевик, М. Н. Покровский, написавший ряд книг по истории России, одобренных Лениным, один из первых советских академиков и руководителей высшего образования в СССР (после его смерти в 1932 г. и до 1939 г. МГУ носил его имя), был ярким приверженцем трактовки истории как политики, опрокинутой в прошлое. В этих теоретических тонкостях я тогда, конечно, не разбирался, но находился под сильным влиянием книги Александры Ишимовой, талантливо переложившей для детей фундаментальный труд Н. М. Карамзина «История государства Российского». (Пушкин высоко оценил книгу Ишимовой в своем предуэльном письме к ней.) Отец, знавший о моем увлечении чтением, прислал из Москвы небольшой ящик книг, где была и эта. Я так ее изучил и освоил, что древо Рюриковичей, к удивлению соклассников, мог рисовать едва ли не наизусть. С таких «позиций» я и стал «громить» книгу Покровского, в которой исторические факты исчезали в экономико-политических схемах. Взбешенная Марья Ивановна, преподававшая нам историю, обвинила меня в «монархических влияниях» и за шиворот потащила к директору. Слава богу, мудрый Алексей Максимович, выдвиженец из рабочих, спустил всё на тормозах. Как ни странно, от моей «критики» Покровского я выиграл: через несколько месяцев, когда в 1934 г. были опубликованы замечания Сталина, Кирова, Жданова на какую-то книгу с критикой концепции Покровского и с рекомендацией (по сути приказом) восстановить в школах «гражданскую историю». Эти замечания по сути были кратковременной самокритикой большевизма, для которого трактовка истории всегда была догматической – политикой, опрокинутой в прошлое. Мне же такой поворот очень помог, и мой авторитет как ученика «с критическим умом» среди учителей повысился.

Однако в нашем воспитании политизация усиливалась с каждым годом, и следить за своими словами было необходимо не только на уроках истории, а этого мы, разумеется, делать не умели. В школе я оказался в одном классе с поэтом Павликом Коганом (он учился там с 1-го класса), и где-то уже в 9-м мы распевали его «Бригантину». Долгое время мы сидели с ним за одной партой. Он был из семейства старых большевиков, и вот где-то классе в 8-м на собрании нашей большой группы он был вынужден каяться «за переоценку Троцкого». В следующем классе проблемы начались у меня самого. Не очень ясно почему: то ли потому, что в своем Петрушине, куда я систематически наезжал, я видел, как плохо идет жизнь в колхозе, а мать всё время жаловалась мне в том же духе; то ли под влиянием Когана, имевшего основательную информацию о замечательном руководителе Бухарине, вывод которого из Политбюро лишь ухудшил экономическую ситуацию в голодающей стране; то ли потому, что и сам я активно начал читать газеты и партийные документы и не стесняясь стал славить Бухарина. Это был 1935 г., когда Сталин уже безоговорочно стал четвертым классиком и смолкли все сомнения – мы живем в социализме. В том году у нас шел прием в комсомол, и под руководством Васи Ямпольцева, освобожденного секретаря комсомола, поставленного райкомом, меня начали активно «молотить» (хотя всё же были отдельные защитники) и в комсомол не приняли, но аттестат отличника (никаких медалей тогда не было) мне все же выдали.

Увлеченный историей, я поступил на исторический факультет Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ). Учрежденный в 1931 г. в составе исторического и философского факультетов (к которым в 1934 г. был добавлен и литературный, а в 1939 г. еще и экономический), он был тогда лучшим гуманитарным учебным заведением в стране. В год 50-летия смерти Н. Г. Чернышевского институту было присвоено его имя. Я был зачислен после небольшой беседы с деканом исторического факультета И. С. Галкиным.

Однако уже после войны при случайной встрече с нашей весьма эрудированной преподавательницей по литературе Любовью Петровной Жак (одновременно она была аспиранткой МИФЛИ и защищала там диссертацию) я узнал, что вдогонку мне из нашей школы поступило заявление, в котором я изобличался как бухаринец, которому либеральные учителя умудрились выдать аттестат отличника. Любовь Петровна, дав мне высокую характеристику, погасила это дело. Тем не менее меня вызвали в партком МИФЛИ, и один из секретарей настоятельно рекомендовал мне держать язык за зубами и всегда помнить, что я поступил в идеологический вуз. Я стал вести себя «правильно». Активный интерес к истории отодвигал политические интересы, хотя я, как и многие другие студенты, втягивался в агитационную работу (готовилась «Сталинская конституция») и, наконец, был принят в комсомол.

В МИФЛИ в эти годы читали содержательные (некоторые из них были и увлекательными) лекции и вели серьезные семинары профессора и преподаватели Ю. В. Готье, В. С. Сергеев, Н. А. Кун, Н. А. Машкин, В. К. Никольский, К. В. Базилевич, А. И. Неусыхин, С. Д. Сказкин, Б. Ф. Поршнева, Ф. В. Потемкин. Все они были с основательным дореволюционным образованием. В их семинарах у меня проявлялось стремление не только к рассмотрению данной темы, но и к сравнению реалий конкретной эпохи, которая обсуждалась, со сходными реалиями древней и средневековой истории, что вырабатывало общий взгляд на нее. Некоторые преподаватели не отвергали такого подхода, даже шли ему навстречу. Например, Юрий Владимирович Готье, ученик Ключевского, академик, широко образованный историк, специалист мирового уровня по истории Киевской и вообще феодальной Руси, иронически прищурив глаза, даже вступал в дискуссии с невоспитанным наглецом, потому что, полагаю, чувствовал искреннее стремление к углубленному постижению истории. В семинаре известного историка античной культуры Н. А. Куна я сделал доклад (теперешняя курсовая) «Общественный строй древней Спарты», и Николай Альбертович похвалил меня. К сожалению, недавно открывшаяся тогда кафедра классической филологии совсем не вела у нас занятий по древнегреческому языку, а проводила лишь не очень интенсивные занятия латинским.

Три с лишним года я метался между историей России, которой я увлекся уже в сельской школе (а другую историю там просто не преподавали), античной, средневековой, новой. Остановился было на средневековой (А. И. Неусыхин, С. Д. Сказкин и др.). Здесь и произошел у меня перелом интеллектуальных интересов. Незаурядная эрудиция в области истории (как мне говорили сокурсники, да и некоторые преподаватели) пробудила во мне ту интуицию целостности, без которой нет философии (в принципе она «работает» во всех науках, но в разной степени и с разными результатами). Я стал задумываться о философском факультете.

Туда не было приема в 1936 и 1937 гг.: было арестовано большинство преподавателей факультета. Прием снова открылся в 1938 г., и семь студентов, окончивших два курса истфака, перешли туда: Арзаканян, Егидес, Карпов и др. Я же продолжал колебаться. Еще на первом курсе лекции по диамату-истмату содержательно и остроумно нам читал доцент Дмитрий Алексеевич Кутасов, будущий декан философского факультета. Они произвели на меня определенное впечатление. Я стал посещать некоторые семинары на философском факультете.

В мае 1939 г. я присутствовал на защите докторской диссертации Георгием Федоровичем Александровым. Он был тогда профессором философского факультета, читал лекции по истории философии, а в 1939 г. опубликовал на основе этих лекций книгу «История западно-европейской философии». Значительно позже я услышал, что некоторое время Г.Ф. общался в МИФЛИ с А. В. Кубицким, первым (по сути единственным) переводчиком «Метафизики» Аристотеля, а также его «Категорий», и тот учил его древнегреческому языку. Вряд ли Александров далеко продвинулся в этом направлении, но написал диссертацию по мировоззрению Аристотеля в целом. Одним из его оппонентов был М. А. Дынник, занимавшийся тогда по совместительству античной философией. Однако в качестве неофициального оппонента выступил профессор Давид Юльевич Квитко, тоже читавший лекции по истории европейской философии.

фии в МИФЛИ. Он справедливо утверждал, что по такому гиганту, как Аристотель, защищать диссертацию «в целом» совершенно поверхностно и неубедительно. Председатель совета (кажется тогда единственного в МИФЛИ) заведующий кафедрой истории ВКП(б) Б. М. Волин (студенческая частушка: «Как бы рад я был, доволен, если б Волин был уволен») провозгласил, что профессор Квитко, в отличие от диссертанта, совершенно не прав. Он, конечно, был проголосован и стал доктором философских наук. Едва ли не на следующий день в «Правде» появилась заметка об успешной защите докторской диссертации бывшим беспризорным (его отец, путиловский рабочий, к тому времени давно умер). Успех Александра во многом определялся и тем, что после опустошения партийных и вообще гуманитарных кадров в 1937-1938 гг. Сталин был вынужден привлекать новые. Они в особенности были необходимы для партийного аппарата. Александров тоже перешел в аппарат Коминтерна, а затем и ЦК ВКП(б). Однако при всей формальности защиты Г. Ф. Александровым его докторской диссертации, первой по философии и первой публичной, в отличие от него Марк Борисович Митин без всякой защиты стал доктором философии за редактирование учебника по диалектическому материализму.

Нельзя в этом контексте не вспомнить о заслуге Александра перед философским факультетом МИФЛИ. Со времени своего основания в 1931 г. он равнялся одной кафедре – диалектического и исторического материализма. Александров же учредил кафедру истории философии, которая до того изучалась как краткое введение в диалектизм. Но сам Александров, читавший курс истории философии как особый предмет, был переведен в сферы ЦК ВКП(б). Новую кафедру он передал Борису Степановичу Чернышеву, окончившему историко-филологический факультет по отделению философии в 1921 г. Но теперь ему пришлось вступить в партию.

Попытка моего перехода на философский факультет не сразу увенчалась успехом. Гуманитарные предметы на историческом и филологическом факультетах изучались основательно, и я их успешно сдал. На философском гуманитарные предметы тоже изучались, но в меньшем объеме и не все. Зато здесь к ним прибавлялись предметы естественно-научного цикла: математика, физика, химия, биология, физиология органов чувств, психология. Ректор А. С. Карпова не решалась поэтому перевести меня на философский, но декан факультета Федор Игнатьевич Хасхачих, знавший меня по отзывам нескольких преподавателей, добился моего перевода в сентябре 1939 г., когда я закончил уже три курса истфака.

На философском факультете меня сразу привлекли лекции и в особенности содержательные семинары по античной философии Б. С. Чернышева. История философии и стала для меня главным притягательным центром, к чему стимулировала моя осведомленность в истории, теперь уже всеобщей. Все естественно-научные предметы я сдал с успехом. Приближался к пятому курсу, но тут меня постигла неожиданная катастрофа.

Еще на историческом факультете мне, запятанному «разоблачительным» письмом из школы, всё же удалось вступить в комсомол. Во многом в результате смены руководства НКВД, когда в вакханалии арестов 1937–1938 гг. в «ежовые рукавицы» попало немало молодежи, произошел некоторый «откат». Многие юнцы связывали тогда «ослабление» таких арестов с приходом к руководству НКВД Лаврентия Берии. В действительности никогда не ошибавшееся партийное руководство вспомнило «ленинскую позицию», которая провозглашала, что комсомол призван для воспитания молодежи, которая, конечно, может и ошибаться. Однако вспоминается, что на комсомольском собрании МИФЛИ, посвященном итогам XVIII съезда ВКП(б), в марте 1939 г. в клубе им. Русакова докладчику доценту Е. Городецкому послали много вопросов, почему «товарищ Ежов не избран членом ЦК партии». Недоумение многих объяснялось тем, что Ежов, перестав возглавлять НКВД, еще оставался Наркомом водного транспорта. Бедный докладчик отвечал всем вопрошавшим: «Значит, теперь товарищ Ежов не достоин столь высокого членства». Однако в кулуарах некоторые студенты старших курсов и аспиранты говорили: ну что ж, мавр сделал свое дело, мавр может уйти! Вскоре совсем тихо

произошло освобождение Ежова с поста Наркомвода, как и его арест и последующий «суд» и расстрел, о чем стало известно лишь после XX съезда КПСС.

На новых для меня двух курсах философского факультета я встретил других «сокашников», и некоторые из них, например, П. Копнин, В. Келле, Д. Горский, С. Анисимов, И. Нарский, Б. Мееровский, А. Гулыга, А. Зиновьев, Ф. Кессиди в послевоенное время стали значительными научными работниками, авторами, профессорами не только в философских кругах. Секретарем комсомольской организации всего МИФЛИ стал тоже мой сокурсник Семен Микулинский (поступил в институт кандидатом партии и стал здесь ее членом). Столь ответственная занятость оставляла ему мало времени для интенсивных занятий, он должен был писать в ЦК ВЛКСМ предложения о политическом воспитании студентов, формулируя свои идеи о способах его усиления. В этом контексте я неожиданно для себя, будучи уже на четвертом курсе, стал одним из наиболее трудных объектов для такого рода усилий.

Практическая дипломатия, особенно при резких ее поворотах и политическом их оправдании, – весьма опасный феномен с точки зрения воспитания молодежи. Именно такая ситуация возникла, когда за несколько дней произошел переворот в отношениях с фашистской Германией. Вчера ее поносили все средства СМИ, а сегодня в Москву приезжает Риббентроп и заключает договор о ненападении (23 августа 1939). И я совсем потерял внутренний контроль, когда практически через месяц (в сентябре 1939) с той же ненавистной фигурой был заключен даже договор о дружбе. Многие историки утверждают, что этот договор, в отличие от первого, был совершенно ошибочным, демобилизующим советский народ и армию. Партийное руководство принялось яростно его оправдывать. На сессии Верховного Совета Молотов объявил агрессорами Англию и Францию, а Германию – страдающей стороной, защищающейся от «агрессоров». (Менее чем через год, напомним, Германия сокрушила Францию, захватив «попутно» Бельгию, Нидерланды, Норвегию.) Польшу, уже оккупированную Германией (и СССР), Молотов объявил совершенно прогнившей и заслуживавшей ликвидации как государство. Последовали приветственные телеграммы Сталина Гитлеру и т. д. Взбесившись, я записал в своем дневнике резкое осуждение договора, речь Молотова назвал насквозь софистической и, слава богу, ничего не писанул о Сталине. В дальнейшем я продолжал дневник, мало уже касаясь политики, забыв о записи сентября 39-го. Когда в следующем году нас перебрасывали из общежития на Усачевке в общежитие на Стромынке, я забыл дневник, а его нашел один мой сокурсник по истфаку и сдал в комитет комсомола. Я был очень удивлен, когда где-то в сентябре-октябре 1940 г. меня вызвали в комитет комсомола и члены комитета стали расспрашивать меня о моих взглядах на международную ситуацию и т. п. Я отвечал вполне правильно, в духе официальной линии, пока Семен не сказал: «Хватит с ним играть. А вот что ты писал в дневнике в прошлом году?» Я вспомнил ту роковую запись, растерялся и что-то лепетал, а комитетчики разоблачали меня, оттачивая свое партийно-комсомольское оружие. Обсуждение закончилось страшной для меня резолюцией: «За двурушничество и осуждение последних мероприятий партии во внешней политике исключить из комсомола».

Хотя «двурушничество» было закономерным явлением и следствием навязанной официальной идеологии и носило, в сущности, массовый характер, я глубоко переживал свое моральное падение, ибо говорил (например, на избирательном участке) не то, что писал в дневнике. Минимально мне грозило исключение из института, но я надеялся (конечно, тщетно) вернуться на исторический факультет. Не один месяц меня воспитывали в райкоме комсомола, был выделен специальный инструктор, и я, конечно, полностью прозрел и выразил сожаление о необдуманной и легкомысленной записи в дневнике. Однако дело мое все равно было передано в горком ВЛКСМ, а там первый секретарь, заглянув в мой дневник, сказал: «Э-э, да у тебя нутро гнилое!» – и исключил меня из комсомола. Это была уже весна. И месяца через два-три началась война.

Ненависть к фашизму была столь велика, что множество студентов МИФЛИ через день-другой после речи Молотова, объявившего об агрессии Германии против СССР, бросились в наш военкомат записываться добровольцами. Я тоже был среди них. Призывались отдельными группами и направлялись на различные службы. Немало студентов стали «чекистами», задача которых состояла в охране подмосковных военных и хозяйственных объектов и борьбе с возможными немецкими парашютистами. Из философов моего курса здесь оказались Ю. Карпов, его жена А. Серцова, Н. Сенин, О. Яхот. Более значительная группа во главе с С. Микулинским отправилась под Смоленск воздвигать различные препятствия, помогая прибывавшим туда войскам задерживать наступавшие немецко-фашистские силы. Военная ситуация, как теперь многократно описано и изображено в ряде фильмов, развивалась столь быстро, что из «строителей» стали отбирать в солдаты – по здоровью и политическим факторам, направляя их в воинские части. Например, Ф. Кессиди, рвавшемуся туда, не оказали «доверия», как греку, и бедный Феохар вынужден был вернуться в Москву и оттуда отправиться в родной Тбилиси, так и оставшись вне армии. Самые надежные стали солдатами с различной военной судьбой. Некоторые, как Келле, пройдя госпиталь, вернулись еще в 1944 г. в университет. Немало было и погибших. Едва ли не печальнее стала участь тех, кто оказался в плену и вернулся после него на учебу. Окончить факультет им, как А. Арзаканяну и С. Анисимову (он, раненый, попал в плен уже под Сталинградом), им удалось, но, имея дипломы об окончании факультета, несколько лет они не могли устроиться ни на какую работу. Оказался в плену и С. Микулинский. Как-то ему удалось скрыть свою партийность и, будучи евреем, представиться то ли русским, то ли украинцем. Попав после войны в фильтрационный лагерь, он был отпущен из него по ходатайству ряда бывших студентов МИФЛИ, справедливо напомнивших партийным органам о его активной роли вузовского секретаря комсомола в МИФЛИ. Вернувшись в университет, Семен стал именоваться не Руфимовичем, а Романовичем и занялся историей биологии.

Другая группа студентов МИФЛИ, в которую включили и меня, была отправлена где-то уже в конце июля в Бронницы (сравнительно недалеко от Москвы) в 139-й запасный зенитный артиллерийский полк. До конца сентября мы осваивали зенитные орудия и были переброшены в Москву. Но в октябре, как известно, немецкие армии подошли уже к дальним подступам Москвы. Из зенитных орудий был сформирован 694-й противотанковый истребительный полк, в различные батареи которого вчерашние курсанты отправились в качестве командиров орудий. Я тоже стал одним из командиров третьей батареи. Уже 12 октября полк в составе 16-й армии К. Рокоссовского дислоцировался под Волоколамском. Более месяца, когда немцы готовили свое завершающее наступление на Москву (операция «Тайфун»), мы стреляли по их самолетам и осваивали противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью («коктейль Молотова»). Тяжелый бой с танками, которых сопровождали автоматчики, полк и наша батарея приняли 17 ноября в начале той немецкой операции. Этот бой не раз был описан в печати (впервые в «Вечерней Москве» 26 сентября 1966) и транслирован по телевидению. Я был награжден орденом Боевого Красного Знамени, ифлиец, наводчик последнего неподбитого орудия батареи Ефим Дыскин стал Героем Советского Союза. В дальнейшем в том же полку и в той же должности командира уже иного противотанкового орудия на юго-западном фронте я участвовал в отражении танковой атаки и был награжден медалью «За отвагу», но на следующий день в августе 1942 г. при минометном налете был тяжело ранен в бедро.

После операции в госпитале где-то за Волгой меня отправили на долечивание в Москву, где я оказался к началу 1943 г. и явился на философский факультет уже МГУ, где одна группа 4-го курса продолжала учебу с начала февраля 1942 г., когда немецкие войска отогнали от Москвы. За несколько месяцев я сдал остававшиеся предметы философского факультета и пять государственных экзаменов: диамат, истмат, историю философии, политическую экономию, историю ВКП(б). Дипломных работ тогда, как и в несколько последующих лет, не было. О профессорах и преподавателях факультета буду говорить в дальнейшем. Получив статус

нестроевика, в октябре того же 1943 г. я поступил в аспирантуру кафедры истории философии, которую возглавлял Б. С. Чернышев. В 1944 г. она стала именоваться кафедрой истории западноевропейской философии, поскольку в том же году появилась кафедра истории русской философии.

* * *

Аспирантское, и тем более последующее, погружение в философию, как и расширение восприятия и осмысления конкретной жизни во множестве ее аспектов, естественно, открывало всё новые горизонты социальной действительности и философской жизни. Специфичность духовной атмосферы советских времен, как ни в одну другую эпоху, заключалась в тесном переплетении политических и идеологических факторов, в зависимости от которых вспоминались и выявлялись те или иные философские идеи.

Они были утрачены, забыты в армейские времена, но в еще большей мере – в результате давления идеологии, которая в первую очередь требовалась и на экзаменах, и еще более на госэкзаменах. Всякая идеология, даже религиозная (в особенности сугубо монотеистическая, как христианство) в определенной степени взывает к тем или иным философским идеям, вырываемым из системного интеллектуального контекста. Изгнание Лениным группы выдающихся философов, которых он считал антимарксистами (что было, конечно, верно, и сами они этого не скрывали), идеалистами и, следовательно, представителями «поповщины», террористическое гонение на служителей церкви, повседневная антирелигиозная пропаганда требовали новой духовной пищи для масс. Мавзолеизация мумии Ленина создавала новый культ, призванный разрушить религиозные, одновременно стремясь к максимизации роли марксистской идеологии.

Сам Ленин, как известно, слепо верил в марксизм, весьма схематично его понимая и вырывая из него те положения, в которых видел необходимость для учреждения социализма в экономически и социально отсталой стране: захват власти через революцию, беспощадное проведение так называемой диктатуры пролетариата, опора на высокоцентрализованную партию и т. п. Еще в «Материализме или эмпириокритицизме» Ильин-Ульянов противопоставил «научную идеологию» гносеологии эмпириокритиков как ведущую к фидеизму и «поповщине». Уже после смерти автора этого компилятивного опуса, написавшего множество статей и теперь увековеченного, его последователи из партийных верхов провозгласили усопшего вождя творческим продолжателем уже давних «основоположников», утвердили другого идеологического кентавра – «марксизм-ленинизм», новацией которого стала «мировая революция». Идеино-политическая борьба между «диадохами», объявленными через полузакрытые суды «врагами народа» и расстрелянными, закончилась полным торжеством единственного вождя и «отца народов» Сталина. После его смерти продолжалась политически менее значимая борьба между эпигонами. Их определяющей идеологической задачей стала «борьба за чистоту марксизма-ленинизма» с любыми от него, как и от «генеральной линии партии», отклонениями. Наше поколение, в основном рожденное после Октября, идеологически и политически служило и писало, уже так или иначе общаясь с ними.

Марксистско-ленинская идеология, стремившаяся полностью преодолеть религиозные вероисповедания, писаниями и речами своих эпигонов (теперь среди них было множество вузовских и академических деятелей) непрерывно «разоблачая» всякого рода идеализм, провозгласила ленинский этап в философии как единственно правильный и убедительный. Этот «этап» содержал немало утверждений и положений, которые повторялись, а то и просто мусолились многими эпигонами, но иногда и честными авторами и преподавателями, стремившимися прояснить их «рациональное ядро». Здесь мы не будем на них останавливаться, но вспомним о них в дальнейшем в конкретных контекстах.

Дальнейшая последовательно тотальная трансформация философии в идеологию, ориентированная на широкие круги пропагандистов, которые были обязаны доносить ее до более широких масс, как и на учащихся вузов, во времена, когда И. В. Сталин, ставший четвертым «классиком», объявил победу социализма в СССР, определялась его очерком «О диалектическом и историческом материализме», вошедшим в «Краткий курс истории ВКП(б)» (1938), рассчитанным на самые широкие круги. Отдавая должное этому очерку, следует отметить догматическую ясность его текста, доступного вполне грамотному человеку. Замена «законов» диалектики на «черты» способствовала трансформации философии в идеологию. Часть, излагающая черты диалектического материализма, на добрую половину состоит из цитат, взятых из произведений Энгельса, Маркса, Ленина. Настаивая на том, что исторический материализм является распространением положений диалектического материализма на истолкование общественной жизни (более резко, чем три его предшественника), Сталин именно ей отдает большую часть текста, подчеркивая при этом те выводы, которые необходимы для общественно-политической жизни. Главный из них – преимущество построенного в СССР социализма перед капиталистическими странами, переживающими безнадежный кризис и т. п.

У нас в довоенные и послевоенные годы было распространено мнение, что ясность и связность диалекто-истматовского текста сталинского очерка следует объяснить тем, что в действительности он написан философом Яном Стэном, автором статьи «Философия» в «Большой советской энциклопедии», подписанной М. Б. Митиным в связи с расстрелом Стэна как «врага народа». Мне случайно прояснила это недоразумение вдова Стэна, освободившаяся из концлагеря и посетившая где-то в 1960-е гг. нашу кафедру истории философии для общения с проф. В. Ф. Асмусом (они были знакомы в довоенные времена). Я тоже познакомился с ней, и по дороге в Институт философии она немало рассказала мне о характере отношений между Стэном и Сталиным. В это семейство смелый и прямолинейный философ был действительно вхож, но лишь в качестве приятеля Н. Я. Аллилуевой, жены вождя. Бывал свидетелем напряженных отношений между супругами («Надя, подай спички» – «Видишь, Ян, делает доклады о политической роли женщины, а дома такой»). С самим же вождем Стэн вступал иногда в ярые споры, нередко заявляя ему: «Ты эмпирик, Коба». А жене Стэн говаривал (с уверенностью можно сказать, что не только ей): «Эта рябая сука устроит нам и процесс Дрейфуса, и дело Бейлиса».

В те годы «диадох» Сталин, ставший «отцом народов» огромной империи, довел до кульминации «диктатуру пролетариата», реализованную судами над «врагами народа», арестами и расстрелами 1936–1938 гг. Философия, заимствованная, как ясно из рассмотренного выше «Очерка», у «основоположников», Сталина, в сущности, не интересовала, но он подверг ее сугубой идеологизации и политизации, как сказано выше. Политический прагматизм Сталина оперировал военными образами. Например, в 1920-е гг. происходила довольно оживленная полемика между «механистами» (Скворцов-Степанов, Тимирязев, Аксельрод-Ортодокс) и «диалектиками» (Деборин, Карев, Стэн). Сначала были побеждены «механисты» как антидиалектические упрощенцы, и торжествовали «диалектики». Но и они не привлекли Сталина своей, как он считал, бесплодной схоластикой. Против них генсек мобилизовал группу молодых философов, эпигонов во главе с М. Б. Митиным и П. Ф. Юдиным. Политической сутью «механистов» был объявлен «правый уклон» (Бухарин, Рыков, Томский). «Диалектикам» сам вождь дал совершенно «точную» квалификацию – «меньшевистствующий идеализм», выразивший «левый уклон» (Троцкий, Зиновьев, Каменев).

Задачей «философии» становилась теперь «борьба на два фронта». Из «диалектиков» были арестованы и расстреляны виднейшие сторонники Деборина – Карев и Стэн. Активнейшее участие в ней стали принимать и другие эпигоны. Многие из них получали философское образование и политическую закалку в Институте красной профессуры, революционный цвет которого гарантировал высокое качество в обоих этих направлениях. Были там и лекции, и

семинары, правда, никаких диссертаций они не писали, но выпускники всё же получали звания профессоров. Митин и Юдин с подачи Сталина в 1939 г. стали членами Академии наук СССР. Существовала еще Академия коммунистического воспитания, несколько меньшей значимости.

Партийные чистки, аресты и расстрелы 1936–1938 гг. опустошили партийный аппарат, и для эпигонов открылись соответствующие возможности. Среди них тоже развивалась тайная и явная борьба за различные должности «наверху», включая и академические, переплетавшиеся с партийными. В этих интересах писались статьи, брошюры, трактовавшие мысли «классиков».

Вернувшись на факультет в 1943 г., я узнал о двух новых профессорах – Алексее Федоровиче Лосеве и Павле Сергеевиче Попове, которых я совершенно не знал, но впоследствии для меня многое прояснилось. Оказалось, что они появились на факультете благодаря Георгию Федоровичу Александрову, о котором я говорил выше. В 1940–1950-е гг. он сыграл немало важную роль в философско-идеологической советской жизни, и я теперь вернусь к нему.

В аппарате ЦК ВКП(б) Александров сделал большую карьеру. Сталин провел его и в кандидаты ЦК, и, более того, вопреки уставу этого всемогущего органа сделал его и членом Оргбюро (в принципе туда вводились только члены ЦК). Главным идеологом партии был А. А. Жданов, член Политбюро и одновременно первый секретарь Ленинградского горкома ВКП(б). Здесь в преддверии войны и должен был сосредоточиться преемник С. М. Кирова. Говорили, что он рекомендовал Сталину назначить Александрова начальником управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), что и произошло. Он стал теперь большой партийной фигурой, особенно в условиях войны, когда и члены Политбюро, и множество членов ЦК были втянуты в повседневные требования войны. Когда МИФЛИ в эвакуации оказался в Ашхабаде, его руководство (по-видимому И. С. Галкин, декан истфака МИФЛИ и ректор МГУ, когда он снова прибыл в Москву в 1943–1946 г.) обратилось к члену Оргбюро с вопросом, как им быть в эвакуации. Он распорядился влиться в МГУ им. М. В. Ломоносова, что там и произошло. Так здесь появились философский, филологический и экономический факультеты, а исторические слились.

Занятия на философском факультете в Москве начались в феврале 1942 г., когда немецкие войска были отогнаны довольно далеко. Преподавателей на нем (и на его отделении психологии) было крайне мало, но и студентов едва ли более трех десятков. Профессоров-философов тоже три-четыре (Б. С. Чернышев, З. Я. Белецкий, Г. М. Гак и, кажется, А. П. Гагарин). На отделении психологии примерно столько же. Тогдашний декан факультета Г. Г. Андреев, будучи в отделе пропаганды ЦК, говорил с Александровым о немногочисленности профессоров на факультете, особенно в перспективе умножения студентов, демобилизирующихся из армии по ранению, по болезни, не успевших окончить факультет до начала войны. Александров знал о Лосеве и Попове как об ученых с дореволюционным образованием, окончивших Московский университет, знал и об их тяжелых конфликтах с ГПУ в прошлом (о чем напишу в дальнейшем). Как политик, учитывающий некоторую идеологическую оттепель, кратковременно наступившую в результате неожиданных огромных поражений на фронте в первый период войны, а также речь Сталина на историческом параде 7 ноября 1941 г., содержавшую патриотическую тематику, Александров «выразил мнение» о привлечении на факультет дореволюционных русских профессоров с философским образованием. Такое «мнение» высокого начальника сообщил декану факультета Н. Г. Тараканов – подчиненный Александрова, окончивший философский факультет МИФЛИ. Так А. Ф. Лосев и П. С. Попов стали профессорами факультета. Первый опубликовал в 1920-е гг. восемь книг (за собственный счет), но все его довоенные попытки защитить докторскую диссертацию были безуспешны. Теперь Александров «выразил мнение», что столь солидный автор заслуживает присвоения степени доктора *философских* наук без формальной защиты. Совет принял к исполнению это «мнение»,

но проявил осторожность и присвоил ему степень доктора *филологических наук* (в сумятице военных лет такое было возможно).

В те годы в философской жизни факультета и Института философии АН СССР, которые, можно сказать, были сообщающимися учреждениями, произошли события, имевшие немаловажное значение для философии, для идеологии и даже для политики. Важным для них событием послужила публикация трех томов «Истории философии» (1940–1943), в принципе необходимых не только для философского образования, но и для удовлетворения мировоззренческих интересов широкой публики. Такого рода книг, можно сказать, до этой публикации не было в советские времена, а солидные переводные книги (Виндельбанд, Фалькенберг и др.) найти было уже трудно. Для издания в трех томах был подобран квалифицированный в общем коллектив, а редакцию составили Александров, Быховский, Митин и Юдин. Двое последних никакого отношения к истории философии не имели, будучи, однако, членами Академии наук и занимая большие партийно-административные посты. Все три тома в 1943 г. получили Сталинскую премию первой степени. Прежде всего члены редакции – Александров, Митин и Юдин, которые не написали ни строчки и ничего не редактировали, будучи заняты на «ответственных постах», да они и не были компетентны в истории философии. Подлинным организатором и редактором, написавшим к тому же наибольшее количество текстов, был Бернард Эммануилович Быховский, сумевший получить филологическое и философское образование на грани революционных лет, а в советские времена весьма активный автор множества статей и нескольких книг. Александров тоже не участвовал в редактировании, но Быховский сократил верстку его диссертации, подготовленной к изданию, и она стала важнейшей главой античной части I тома. Кроме членов редколлегии еще шесть авторов (более чем из тридцати) стали лауреатами Сталинской премии первой степени.

Три этих тома, названные студентами «серыми лошадьми» – по цвету обложки, десятилетиями служили учебным пособием для студентов философских факультетов. Лауреаты торжествовали и выдвинули двух наиболее компетентных профессоров, Асмуса и Быховского, в члены-корреспонденты Академии наук. Отделение философии и права утвердило их выдвижение. Спустя несколько лет один из лауреатов О. В. Трахтенберг (мой научный руководитель после смерти Б. Г. Чернышева) и Быховский как-то в случайном разговоре рассказали мне, что члены отделения, их утвердившие, были весьма удивлены, что общее собрание академии избрало членом-корреспондентом А. А. Максимова. Научный отдел ЦК ВКП(б) бдительно следил и за этой сферой и зорко соблюдал партийный контроль. Наверху знали, что Асмус глубоко беспартийный, по неясным основаниям пристегнутый к «меньшевистствующим идеалистам», а член партии Быховский в молодости как-то прислонился к троцкизму и получил выговор, не снимаемый до гроба. Максимов же был бдительный коммунист, громивший теорию относительности Эйнштейна как идеалистическую.

Но вокруг III тома «Истории философии» развернулись уже в следующем 1944 г. политические события, ставшие весьма значимыми для философских дел. Тогда я еще не мог знать о закулисной стороне развернувшихся событий, связанной с борьбой за руководство «философским фронтом» между Г. Ф. Александровым, набиравшим всё большее влияние, и М. Б. Митиным и П. Ф. Юдиным, занимавшими высокие посты, но всё же шедшими под уклон. Неожиданно для всех против III тома выступил профессор Зиновий Яковлевич Белецкий, обозленный и приниженный своим удалением из института, считавшегося центром философской жизни. От Б. С. Чернышева, моего друга Михаила Федотовича Овсянникова, защитившего кандидатскую диссертацию об эстетике Гегеля и Бальзака в 1943 г., я узнал, как развивалось всё дело.

З. Я. Белецкий, окончив медицинский факультет Московского университета в 1925 г. и став врачом, затем поступил в Институт красной профессуры и получил звание профессора. В 1934–1943 гг. он возглавлял партийную организацию Института философии. О его фило-

софской и тем более историко-философской компетенции сказать фактически нечего. Он смог опубликовать лишь две-три статьи на политические темы. Директор Института философии П. Ф. Юдин уволил его оттуда за бездеятельность, и он стал профессором философского факультета МГУ (еще до войны он работал там как совместитель). Лекций он фактически не читал, а вел аспирантский семинар, в котором состоял и я.

Третий том «Истории философии» был доведен до изложения западноевропейской философии до середины XIX в., но добрая его половина была посвящена немецкой классической философии, большая часть которой, естественно, излагала ее фундаментальный идеализм, фокус которого составляла доктрина Гегеля, столь высоко значимая и использованная «классиками» марксизма, включая Ленина. В большой его статье «О значении воинствующего материализма» (опубликована в основанном тогда философском журнале «Под знаменем марксизма» № 3, 1922), вождь мирового пролетариата категорически рекомендовал учредить «общество материалистических друзей философии Гегеля». Быховский и Чернышев, основные авторы текстов III тома досконально использовали все наиболее значимые высказывания «классиков». Однако профессора, увлеченные аналитическим изложением трудных учений (а замыслы Быховского и в целом редакции предполагали еще четыре тома), фактически не учитывали, что третий том публикуется в разгар ожесточенной войны с немцами. Белецкий же использовал это обстоятельство, как иногда говорится, на всю катушку. Он обратился к Сталину с большим «разоблачительным» письмом. Длительное время о содержании этого письма мы могли судить лишь косвенно по суждениям Белецкого на нашем аспирантском семинаре. Но сравнительно недавно профессор Анатолий Данилович Косичев в архивах ЦК ВКП(б) – КПСС обнаружил это письмо и опубликовал его в книге «Философия. Время. Люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова» (М., 2007). Выпускник ИКП философии З. Я. Белецкий весьма туманно трактовал историю философии, полностью отрицал целостность ее традиций, утверждая, что воззрения любого философа определяются временем его жизни, национальным фактором и, главное, тем социальным статусом, к которому он принадлежал. Белецкий доводил до абсурда принцип социального детерминизма, который определял и методологию «классиков». Автор письма их положения использовал выборочно. «Забывал» о работе Ленина «Три источника, три составных части марксизма». Настойчиво подчеркивал ленинское утверждение, что идеализм – это «поповщина». Использовал некоторые преувеличения немецкого национального фактора, которые кое-где имеются у Гегеля (и тем более у Фихте). Преувеличивал известное высказывание Гегеля о необходимости войн как морально мобилизирующего фактора национальной жизни (авторы тоже критически использовали данный текст). В целом стремился доказать, что авторы III тома, искажая положения «классиков», фактически защищают идеализм.

Приспосабливаясь к честолюбию Сталина, Белецкий утверждал, что авторы не считаются с некоторыми положениями его очерка «О диалектическом и историческом материализме». Если Асмус в предвоенной брошюре, как и Быховский, убедительно доказывал, что Гегель (и тем более Фейербах), в сущности, сторонники гуманизма, который растоптал фашизм, то Белецкий утверждал, что они подлинники предшественники фашизма. Здесь же Белецкий не забыл прибавить, что Быховский – бывший троцкист, а Асмус – меньшевистствующий идеалист, а Лосев, присланный на факультет из ЦК, – откровенный мистик.

Сталин ознакомился с этим письмом и позвал Г. Ф. Александрова, дал прочитать ему и спросил его мнение. Слухи об их «свидании» и позиции Сталина я слышал еще в конце войны, но наиболее достоверно суть этого разговора передана в книге академика Т. И. Ойзермана со слов самого Александрова (разумеется, после смерти Сталина), с которым он был достаточно близок со времен МИФЛИ, в его монографии «Оправдание ревизионизма» (М., 2005). Ознакомившись с письмом Белецкого, Теодор Ильич сказал вождю, что это письмо свидетельствует о философской малограмотности автора, его истолкование философии Гегеля совер-

шенно перечеркивает трактовку Маркса, Энгельса, Ленина, да и самого Сталина в его очерке «О диалектическом и историческом материализме». Но, выслушав такую оценку, Сталин сказал, что, по-видимому, в философии автор письма и не силен, но у него совершенно осязателен философский нюх.

Для прояснения ситуации генсек распорядился передать письмо Белецкого в ведомство секретаря ЦК Г. М. Маленкова для тщательного обсуждения. В этой акции проявилось определяющее свойство Сталина-политика. Философия как таковая, по существу, его не интересовала (и здесь, полагаю, его отличие от Ленина). В его очерк для «Краткого курса истории ВКП(б)», автор в различных разделах (особенно в истматовском) стремится зафиксировать практическо-политические выводы для «углубленного» понимания и истолкования социальной жизни. При этом философию Гегеля он явно не жаловал и – косвенные свидетельства – пренебрежительно относился к «Философским тетрадам» Ленина. Как сообщает Т. И. Ойзерман в его названной книге, со слов Александра Сталин вызвал его вместе с заместителями (П. Н. Федосеевым, М. Т. Иовчуком и В.С. Кружковым) и спросил их, как они трактуют социальную суть философии Гегеля. Никто из них не решился сформулировать свое понимание (но сделать это мог, конечно, только Александров). Тогда высказался сам Сталин: «Философия Гегеля – это аристократическая реакция на Великую французскую революцию и французский материализм XVIII в.». Вождь высказал совершенно нелепую идею, свидетельствующую о его полной некомпетентности в истории философии этого периода (и не только).

По-своему глубокую критику этой революции сформулировали так называемые традиционалисты уже во время ее и вскоре после – англичанин Эдмунд Берк, французы Жозеф де Местр и Луи Бональд. В том же III томе содержится весьма содержательный анализ их сугубо консервативных воззрений, но тогда с ними вряд ли кто знакомился. Социальные воззрения Гегеля здесь тоже были представлены в соответствии с уже принятой трактовкой: энтузиаст событий французской революции в студенческие и молодые годы, в «Философии права» он консерватор, но сторонник конституционной монархии и гражданского общества. Вождь, по-видимому сам III тома не читая, свою «смелую» трактовку социального гегельянства не опубликовал, хотя она стала в общем известна и приводила к растерянности действующих философов. На философской дискуссии 1947 г. (я на ней присутствовал и скажу о ней дальше), которой руководил главный тогда идеолог А. А. Жданов, ему из зала кто-то задал вопрос, как понимать эту трактовку социальности Гегеля т. Сталиным. Жданов уклонился от ответа и сказал, что уточнит ее с ним своим.

Обсуждение III тома (трижды в секретариате Г. М. Маленкова – А. С. Щербакова) в соответствии с указанием Сталина состоялось в феврале-марте 1944 г. О нем мне рассказал Б. С. Чернышев, затем я слышал об этом и от других фигурантов. Быховский, Асмус и Чернышев, специалисты весьма компетентные, говорили о фактическом невежестве, вульгаризаторстве и примитивизме позиции Белецкого, присутствовавшего здесь же и тоже выступавшего. Но вся убедительная компетентность и эрудиция вышеназванных профессоров была совершенно безразлична секретарям ЦК, ибо они знали позицию Сталина. Отсюда и итоги «дискуссии»: тому же Александрову, напутствовавшему названных профессоров показать невежество «горбуна» (Белецкого), было предложено написать полностью критический текст, который был опубликован как решение Политбюро в 7–8 номерах журнала «Большевик» (официальный орган ЦК ВКП(б)) за 1944 г.: «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII – начала XIX вв.». Здесь в особенности «разоблачалось» возвеличение Гегелем немцев «как избранного народа». Сталин-политик показал, как надо трактовать прошлое с позиций настоящего, да еще полыхающего огнем. «Извратителями» были названы Быховский, Чернышев (умерший от инфаркта в сентябре того же года) и Асмус. Белецкий же фактически «реабилитировался».

С III тома сталинская премия была снята (восстановлена как государственная после смерти вождя). Митина отстранили с поста директора ИМЭЛ, а Юдина – директора Института философии. Быховский был лишен поста заведующего сектором истории философии и отправлен рядовым редактором в «Большую советскую энциклопедию». Александров остался на своем посту.

Примерно в то же время и на философском факультете произошли неприятные, печальные события. Александров понял свою политическую ошибку с Лосевым. По инициативе Белецкого был проработан А. Ф. Лосев, преподававший в семинаре студенческой группы IV курса, как сугубый гегельянец, идеалист и даже мистик. Алексей Федорович сообщил мне много позже, что был приглашен к председателю комитета по высшей школе С. В. Кафтанову и тот сказал ему, что они считают, что как доктору филологических наук ему лучше работать «по специальности», и отправил его на кафедру классической филологии в пединститут им. Ленина.

На факультете случились и другие неприятности. Бывшего декана Г. Г. Андреева, принимавшего на службу Лосева и Попова, в 1943 г. отправили в советскую дипмиссию в Лондон, но в 1944 г. отозвали в Москву в МИД, а после какого-то краткого отчета пригласили в МГБ и в итоге дали 25 лет лагерей (он отсидел половину этого срока, после смерти Сталина вернулся в университет). Были также арестованы два студента: А. Романов, работавший в семинаре Лосева, и А. Ревзон (под сурдинку критиковал новый гимн, но один из сокурсников не согласился с ним). Б. С. Чернышева освободили от поста декана, которым он стал после отъезда в Лондон Андреева, и заменили доцентом Д. А. Кутасовым, бывшим деканом факультета перед войной в МИФЛИ.

Торжество Белецкого на факультете стало полным. В лектории МГУ он стал читать небольшой курс по осужденному немецкому идеализму. По моему аспирантскому восприятию, его лекции были примитивны: социологизированы и политизированы, философски поверхностны. Со второй лекции я ушел и больше их не посещал.

Отрицательность описанных событий для факультетской жизни и философского образования компенсировалась и положительными приобретениями, косвенно и непосредственно связанными с этими событиями. Нетерпимым фактом философского (и не только) образования, как оно сложилось в довоенные времена, было отсутствие курсов и семинаров по логике. Это осознавалось и в верхах. Не раз мне приходилось слышать, что инициатива принадлежала здесь Сталину. Можно думать, что его семинарская учеба полностью у него не выветрилась. Да и его произведениям, и в особенности выступлениям и речам, при всей их сугубой упрощенности нельзя отказать в логической ясности. В 1941 г., еще перед войной, «партия и правительство» приняли постановление о введении в школьное образование двух новых предметов – логики и психологии. На философский факультет МИФЛИ приглашался профессор Валентин Фердинандович Асмус с эпизодическими лекциями о предмете логики. Тогда я с ним и познакомился (два-три вопроса). В 1942–1943 гг. преподавание логики на философском факультете МГУ было восстановлено. Там уже работал упомянутый выше высокоавторитетный профессор В. Ф. Асмус, о котором в дальнейшем будет специальный разговор. Собственно для преподавания логики на факультет были в 1942 г. посланы ведомством Александрова А. Ф. Лосев и П. С. Попов, окончившие отделение логики и психологии Московского университета еще в 1915 г. В 1947 г., когда появились аспиранты-логики и другие преподаватели, возникла и кафедра логики, которую возглавил профессор Попов, и мы в дальнейшем к ней вернемся.

Другим приобретением философского факультета, можно считать прямо связанным с описанными событиями вокруг III тома «Истории философии», стала организация кафедры истории русской философии. Поворот в сторону ее преподавания наметился уже перед войной, и политически здесь опять проявилось воздействие резкого поворота Сталина к истории России, в которой, по его категорическому утверждению, уже построен социализм. Редакция III

тома наметила из последующих четырех томов один посвятить истории русской философии. В значительной мере, по-видимому, вчерне, он был написан ко времени обсуждения этого тома, а в ходе самого обсуждения прозвучала довольно резкая критика Митина и Юдина, которые уже довольно долго руководили «философским фронтом», но тормозили разработку русской философской тематики (см. статью Г. С. Батыгина и И. Ф. Девятко «Советское философское сообщество в сороковые годы. Почему был запрещен третий том «Истории философии»? в кн. «Философия не кончается. Кн. I. Из истории отечественной философии. XX век. 1920–50-е годы». Под ред. В. А. Лекторского. М., 1998). Во всех вузах СССР преподавали диалектический материализм главным образом по произведениям Энгельса, в которых первостепенная роль отводилась Гегелю, главному классику немецкого идеализма с его диалектическим методом, как и Фейербаху, ущербному материалисту, но тем не менее сыгравшему переломную роль в переходе Маркса и Энгельса на позиции материализма, уже так называемого диалектического. Всё это потребовало создания истории русской философии во главе с Михаилом Трифоновичем Иовчуком, окончившим Академию коммунистического воспитания и одним из заместителей Александрова в Управлении агитации и пропаганды. Кафедра истории философии стала называться кафедрой истории западноевропейской философии.

В 1944–1945 гг. на факультете работали два аспирантских семинара – по истории философии, которым руководил Б. С. Чернышев вплоть до своей смерти, и по диалектическому и историческому материализму, которым руководил З. Я. Белецкий. Кроме меня в этих семинарах участвовали М. Ковальзон, Ш. Герман, Е. Куражковская, Д. Кошелевский, А. Никитин, позже присоединился В. Келле, демобилизованный после госпиталя. Семинары работали активно.

Мы с моим другом, тогда доцентом М. Ф. Овсянниковым не стеснялись в критике (с преподавателями и аспирантами) Белецкого как продолжателя В. Шулятикова, дореволюционного литкритика и философа, который в книге «Оправдание капитализма в западноевропейской философии» развивал сверхвульгаризаторскую трактовку этой философии, большевика, чьи воззрения отвергал даже Ленин. У меня же были нередки довольно резкие споры с Белецким на его семинаре, поскольку я уже тогда не принимал марксистского положения о сугубой «надстроечности» философии над пресловутым социально-экономическим базисом. Белецкий при поддержке некоторых аспирантов не раз меня «прорабатывал».

Мне это аукнулось при защите кандидатской диссертации в июне 1946 г. В ней я трактовал соотношение марксистского решения проблемы свободы и необходимости с домарксистским ее решением Спинозой и в меньшей мере Гегелем. Тема эта, стимулированная идеей Маркса о том, что будущее коммунистическое общество, к которому придет всё человечество, станет «царством свободы», тогда активно обсуждалась. Перед самой войной кандидатскую диссертацию по этой теме защитил Т. И. Ойзерман. Теперь взялся за нее и я, стремясь в меру своих знаний прояснить ее родословную. После благожелательного выступления официальных оппонентов, В. Ф. Асмуса и М. Ф. Овсянникова, и моего им ответа выступили с резко отрицательными выпадами члены кафедры диамата – будущий столп диалектической логики доцент В. И. Мальцев, теоретик эстетики С. С. Гольдентрихт. Оба они отрицали саму идею сравнения марксистского решения данной проблемы с какой-то домарксистской темнотой (последний из них, помнится, указал на то, как Александр Матросов закрыл своей грудью немецкую амбразуру – ярчайший факт ленинско-сталинского понимания свободы в действии).

В выступлениях этих неофициальных оппонентов содержались кричащие противоречия, которые умело выявил в своей реплике мой научный руководитель (после смерти Б. С. Чернышева) Орест Владимирович Трахтенберг, показавший, что это не те противоречия, «которые ведут вперед» (формула Гегеля). И здесь в атаку пошел сам З. Я. Белецкий. Общий смысл его выступления был тот же: само сопоставление марксистской концепции свободы с предшествующими в корне порочны. Были какие-то и более частные и малоубедительные возражения,

которых теперь не помню (стенограмма не велась, не было и совета как такового, голосовали все, кто имел степень или звание). Я резко, запальчиво и, полагаю, не очень-то умело отвечал Белецкому, стремясь показать неубедительность его возражений. По своей невоспитанности я совсем не благодарил его, как мне советовали сделать в ожидании результатов голосования тогдашний аспирант Ю. К. Мельвиль, и П. В. Копнин, и другие более зрелые друзья. Я ждал провала, но оказалось, что при голосах против я всё же прошел «в упор». Думаю, что не из-за моего поведения, а из-за активной неприязни к Белецкому (обратившемуся с новыми письмами к Сталину против Александрова) и его кафедре, о чем свидетельствовали громкие аплодисменты довольно многочисленной публики.

В конце того же 1946 г. я был утвержден в степени на ученом совете МГУ под председательством ректора академика А. Несмеянова (ВАКа тогда еще, кажется, не было). Но возможность работы на кафедре истории западноевропейской философии, о чем я мечтал, мне была закрыта. Слабовольный ее заведующий В. И. Светлов, работавший по совместительству и сменивший Б. С. Чернышева, совершенно пасовал перед сверхволевым З. Я. Белецким, во многом определявшим кадры не только своей кафедры, но и других. В частности, он определял и кадры по логике, и П. С. Попов сумел с ним договориться, хотя А. Ф. Лосев в результате его «разоблачений» был удален из университета.

Но в то время, осенью 1946 г., была открыта Академия общественных наук (АОН), как бы вместо Института красной профессуры, закрытого в 1938 г. (множество арестов среди преподавателей и слушателей). Новая академия, как и тот институт, была ориентирована на партийных работников. Среди нескольких кафедр здесь учредили три философских: диамата-истмата (заведующий П. Н. Федосеев), истории философии (возглавил сам Г. Ф. Александров) и логики и психологии (во главе с высококвалифицированным психологом Б. М. Тепловым). Каждая кафедра имела кабинеты соответствующей литературы. Я поступил заведовать кабинетом при кафедре истории философии. Новая академия набирала партийных аспирантов, которые после трехлетнего обучения должны были защищать кандидатские диссертации.

Здесь необходимо вспомнить, что в довоенном СССР диссертаций, даже кандидатских, защищалось крайне мало, не в последнюю очередь потому, что приобретенная степень фактически не увеличивала зарплату. В 1946 г. «остепенение» значительно по тем временам ее увеличивало. С каждым годом теперь увеличивалось и количество защит, более всего кандидатских, но постепенно и докторских. Сами защиты всё более превращались в инсценировки, особенно если диссертант в официальной характеристике наделялся высокими партийно-общественными качествами. Поток диссертаций наиболее широким был в сфере истории ВКП(б), как в наиболее актуальной тематике в политическом аспекте. Снижение требовательности и, соответственно, качества диссертаций (я имею здесь в виду прежде всего, если не главным образом, общественно-политическую, включая и философско-идеологическую проблематику) рождало множество шуток и анекдотов: «Если в диссертации списан один чужой текст – это плагиат, два текста – реферат, три – компиляция, четыре – диссертация».

* * *

Поскольку АОН была учреждена фактически при управлении агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), Александров раз или два назначал заседания кафедры в своих помещениях, и я, как заведующий кабинетом при его кафедре, стал вхож в главное здание страны. В самой академии и тем более здесь я увидел, как она управляется, рассмотрел и даже познакомился с некоторыми из эпигонов.

С Александровым я общался главным образом через его заместительницу по кафедре доцента Марию Дмитриевну Цебенко, но иногда и лично. Он представлялся мне довольно симпатичным, даже для меня немного открытым, а особенно для моего друга Павла Тихоновича

Белова, работавшего с ним перед войной. Я, не очень-то тогда квалифицированный в истории философии, иногда при разработке и обсуждении программы кандидатского минимума всё же замечал кое-какие промахи и ошибки в познаниях шефа. Но я, конечно, понимал, что при его партийно-политической занятости у него вряд ли находится время для углубления своих знаний, и он жил «старым запасом».

На заседании кафедры в ЦК присутствовали оба его заместителя – Петр Николаевич Федосеев (первый) и Михаил Трифонович Иовчук (второй). Я обратил внимание, что когда Александров торопил с составлением программы кандидатского минимума для аспирантов, то посматривал на Федосеева, который говорил, что не стоит с этим так уж торопиться. Когда же программа минимума по кафедре Александрова была отпечатана, в отделе кадров ЦК зафиксировали, что большинство аспирантов взяты кафедрами АОН неправильно по их партийным и служебным качествам. На эти кафедры пришлось набирать других аспирантов. Кафедра же диамата, руководимая Федосеевым, даже не приступала к составлению своей программы.

В дальнейшем я более подробно узнал о Федосееве, наблюдая его в АОН. Несколько удивлял его партийный стаж, ибо он стал членом ВКП(б) лишь в 1939 г., в то время как его ровесники Иовчук и Александров вступили в партию в 18 и в 20 лет. Мне объяснили тогда, что Федосеев – сын кулака и не мог стать коммунистом так рано, как его теперешние сослуживцы. Наблюдая его и впоследствии (короткое время я был даже заместителем редколлегии «Философского наследия», а председателем был Петр Николаевич), я убедился в его «герметичности». Он был из тех, о ком говорят: «Слово – серебро, молчание – золото». Окончив исторический факультет горьковского пединститута, он стал аспирантом философского факультета МИФЛИ и перед войной защитил кандидатскую диссертацию «Ленин и Сталин о религии и атеизме». В дальнейшем, работая в ЦК ВКП(б) редактором теоретического органа журнала «Большевик», теоретического органа Центрального комитета, он стал и академиком, и вице-президентом АН СССР, и директором Института философии, и директором ИМЭЛ. Пользовался большим авторитетом в партийных верхах. Его поздний труд «Диалектика современной эпохи» явно составлен при помощи референтов.

В 1946 г., когда я стал работать в АОН, Александров достиг вершины своей партийно-государственной значимости: начальник названного управления, член Оргбюро ЦК, которому после смерти секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова Сталин поручал делать традиционные доклады в день смерти В. И. Ленина. Естественно ему было досадно, что Митин и Юдин, не имевшие каких-либо значимых трудов, не защищавшие диссертаций, были членами Академии наук и как бы возглавляли «философский фронт». Александров вместе со своими заместителями тоже решили стать членами Академии наук. Было при этом одно препятствие: туда нельзя было баллотироваться, не имея степени доктора наук, а Иовчук, тоже работавший по совместительству на кафедре истории философии АОН, таковой не имел. Необходима была срочная защита, ибо до выборов в академию (ноябрь 1936 г.) оставались, кажется, две-три недели и надо было торопиться.

Михаил Трифонович, коммунист чуть ли не с юношеского возраста, был типичным партийным карьеристом. Окончив Академию коммунистического воспитания, он оставался поверхностным и безнадежным догматиком, ухватившимся за русских революционных демократов, мусолившим «ленинские традиции в философии». Лез во все редколлегии, включая те, в которых он был пустым местом. В отношении подчиненных и тех, кто стоял ниже его по служебной лестнице, нередко проявлял себя откровенным хамом. Вместе с тем обладал даром хорошей речи и определенного остроумия. Не признавая Марка Борисовича Митина достойным руководителем «фронта», он придумал для него «псевдоним» Мрак Борисович Мутин. Обыгрывая его свойства «толкать речи» не всегда по данному вопросу, Михаил Трифонович окрестил его Маркс Борисович Митинг.

Очень быстро на кафедре скомпоновали (главным образом благодаря помощнику диссертанта Владимиру Ивановичу Газенко) тексты под заголовком «Из истории русской философии», которые и были представлены в ученый совет. Первым официальным оппонентом стал тот же Митин, вторым – Владимир Семенович Кружков, преемник Митина в качестве директора ИМЭЛ, третьим – Орест Владимирович Трахтенберг, самый достойный и грамотный по сравнению с первыми. Защита состоялась «нормально», т. е. совершенно формально, Митин дал должный отзыв официального оппонента и совершенно положительную рекомендацию диссертанту. Но через неделю-другую, придя на кафедру, в присутствии моем и Цебенко он, ухмыляясь, сказал: «У меня такое впечатление, что Михаил Трифонович один и тот же текст трижды пропустил через пишущую машинку».

Новоиспеченный доктор, диссертация которого не попала в Ленинскую библиотеку, что в дальнейшем привело к неприятным скандалам для Иовчука, вместе с Александровым и Федосеевым стал членом академии: первый действительным, остальные – членами-корреспондентами.

Они, надо думать, очень торжествовали, но, оказалось, преждевременно. Уже после избрания всё это стало известно Сталину. В свое время он «помог» пройти в академию с соблюдением всех формальностей Митину (в действительные члены) и Юдину (в члены-корреспонденты). Но они тогда были нужны Сталину для сокрушения «меньшевистствующего идеализма», основанного на гегельянстве. Теперь же он поддерживал другой порядок, зорко следя за теми выдвинувшимися деятелями руководства партии, которые слишком «зарывались». От многих работающих в АОН я слышал, что генсек пригласил президента академии Сергея Ивановича Вавилова и просил его сообщить, каким образом все представители руководства управления агитации и пропаганды ЦК стали членами Академии наук. Тот ему ответил, что на этих достойных лиц поступила рекомендация ЦК ВКП(б) (она была обязательна и тогда строго соблюдалась). «Ну, я вам такой рекомендации не давал, – сказал генсек. – Может быть, она поступила от т. Жданова?» Вавилов ответил, что и этого не было. «Тогда кто же такую рекомендацию вам направил?» – снова спросил вождь. «Мы получили ее от т. Иовчука», – ответил президент академии (следовательно, Иовчук рекомендовал и самого себя). Тогда генсек спросил Вавилова: «А нельзя ли их всех обратно»? Последний сказал, что, увы, устав академии не позволяет такое сделать. Сталин будто бы сказал: «Ну, хорошо. Мы примем свои меры». Действительно, вскоре мы узнали, что Иовчук удален из ЦК партии и направлен в Белоруссию как секретарь по пропаганде тамошнего ЦК. Федосеев был назначен главным редактором «Большевика». Положение Александрова тоже покачнулось.

Когда несколько лет тому назад совет МГУ присваивал звание заслуженного профессора Московского университета Юрию Андреевичу Жданову, прибывшему для этого действия из Ростова-на-Дону, где он, член-корреспондент АН СССР, работал в филиале академии, меня тоже позвали на тот совет (в сталинские годы я был немного знаком с ним). Ю. А., окончивший перед войной химический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, в конце 1940-х гг. заведовал отделом науки ЦК ВКП(б) и, будучи зятем Сталина (вторым мужем его единственной дочери Светланы), весьма способствовал решению о строительстве комплекса современных зданий МГУ на Ленинских (Воробьевых) горах. Он мне подтвердил выше рассказанный эпизод об отношении Сталина к академическому делу Александрова. При этом добавил существенный момент – что Сталин, назначая внушительные оклады академикам, считал, что следует каждые пять лет проводить их ротацию, заменяя неэффективных академиков на более эффективных путем новых выборов. Такой замысел Сталина представляется актуальным в контексте теперешней реорганизации Академии наук. Но вместе с тем он, по-видимому, достаточно утопичен, поскольку и у нас, да и повсюду «большие ученые» приходят в Академию наук на всю жизнь.

Летом 1945 г. Александров опубликовал книгу «История западноевропейской философии», которой был присвоен гриф учебника для вузов. В действительности это была небольшая доработка книги с таким же названием, опубликованной автором в 1939 г. на основе курса лекций, который он читал на философском факультете МИФЛИ. Мы, аспиранты, изучая ее, убедились, что это стандартное произведение на основе уже традиционной тогда марксистской методологии, в которую вписывались пересказы воззрений философов с эпохи Возрождения. Нам было совершенно ясно, как далеко ей до «осужденного» III тома «Истории философии», который, основываясь в принципе на той же методологии, давал конкретный анализ воззрений философов при довольно тщательном прочтении их произведений. Но книга уже влиятельного партийного деятеля была высоко оценена в рецензиях. Профессор Марк Петрович Баскин (работал по совместительству в МГУ на нашей кафедре), оценивая в своей рецензии книгу как «выдающийся труд», оканчивал ее сожалением, что «явно недостаточен тираж издания» (50 тысяч!). При таких похвалах естественно, что труд Александрова был увенчан Сталинской премией. Но Белецкого это не смутило, и он в конце 1946 г. обратился к Сталину с письмом, в котором утверждал, что автор книги совершенно не учел в ней решения Политбюро ЦК о III томе «Истории философии». Существо же его критики, как он говорил на нашем семинаре, – игнорирование «классовой сущности», автор книги трактует философов как сотоварищей по профессии, полностью забывая о классовых корнях и т. п.

Письмо Белецкого оказало свое действие. ЦК ВКП(б) потребовало обсудить положение на «философском фронте» в связи с книгой Александрова, замечаниями Белецкого и постановлением Политбюро по III тому. Такое достаточно аморфное обсуждение состоялось в Институте философии в январе 1947 г., я на нем присутствовал. Председательствовавший В. С. Кружков, сверхосторожный П. Н. Федосеев и другие осуждали воззрения Белецкого как антимарксистские. Сам он тоже присутствовал, но промолчал.

Однако и это обсуждение не удовлетворило высшее партийное руководство (прежде всего, конечно, Сталина). Постановили провести новую дискуссию.

Она состоялась в здании ЦК ВКП(б) в конце июня 1947 г. На ее заседания из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов была привлечена не одна сотня участников, имевших прямое или косвенное отношение к «философскому фронту». Я, как работник АОН, состоявший на учете в ее партийной организации, тоже был сюда допущен. Всмотривался в президиум, где сидели А. Жданов, А. Кузнецов, М. Суслов (секретари ЦК), М. Шкирятов (председатель комиссии партконтроля). Первый из них вел заседания непринужденно и улыбочиво. К концу шестидневного заседания, когда выступил сам Жданов, в то время первый идеолог партии, выявилась в очередной раз особенность подобных заседаний, объявлявшихся дискуссиями. Как полностью стало ясно впоследствии для большинства непосвященных, Сталин напутствовал организаторов о полной свободе выступлений участников, но окончательный смысл и цель этих выступлений были зафиксированы в той самой речи Жданова, которую одобрил Сталин с несколькими замечаниями и поправками. По его заданию сначала следовало вскрыть недостатки учебника Александрова, а затем подвергнуть «партийному анализу» состояние всего «философского фронта». Сам учебник по своей содержательности и литературному исполнению, по моему уже тогдашнему и тем более последующему мнению, содержательно и литературно был ниже злосчастного III тома, который я достал в библиотеке АОН.

Сам по себе учебник Александрова не заслуживал столь широкого и длительного обсуждения, но решали идеологические установки, сформулированные Сталиным, в принципе ясные для Жданова и без того. Не успел он окончить свою речь, как Кузнецову, теперь председательствующему, посыпались заявления записавшихся, но еще не выступивших участников с отказом от предполагавшихся выступлений. Впрочем, некоторые из них воспользовались правом представить для отчета о дискуссии свои тексты. Характерен тот анекдотический скептицизм, который проявлялся в кулуарах относительно подлинной безошибочности для авторов

их теоретических публикаций (мне, в частности, сформулировал это О. В. Трахтенберг): их собственные формулировки должны представлять кратчайшее расстояние между двумя цитатами из «классиков» марксизма-ленинизма или из официальных документов. А еще вернее – привести цитату, а в скобках указать: «Разрядка моя». Так под сурдинку выражался абсурд предельного догматизма, который действительно был свойствен многим «теоретическим» публикациям.

Но тем не менее ряд моментов речи Жданова свидетельствовал о его начитанности в историко-философской литературе. Например, идея, согласно которой в ходе историко-философского процесса, начиная с античности, от философии отделяются всё новые и новые науки. В этом контексте возникает проблема, близкая к позитивистскому истолкованию философии. Что же остается от философии, тем более с марксистско-ленинской идеологией? Но здесь неверна основная посылка, ибо философия никогда не была некоей пранаукой, но развивалась, конкретизировалась в тесной связи с практически-научным знанием, рационализирующим и конкретизирующим философию прежде всего в отношении к мифологическому мировоззрению.

Жданов, как и участники дискуссии, в различных аспектах трепали своей критикой схематичность, нечеткость учебника Александрова, потешаясь, в частности, над бедным Марком Петровичем Баскиным («морской философский волк» ждановской речи), сожалевшим, как отмечено выше, о недостаточности огромного тиража книги. Наиболее основательными и весьма неприятными для автора книги и ответственного партийного начальника были в основном традиционные провалы книги: «объективизм», ослабляющий, если не устраняющий марксистско-ленинскую партийность, в ряде случаев как бы солидарность с некоторыми из домарксистских философов, усеченность изложения формирования марксизма, заканчивающегося «Коммунистическим манифестом» и революцией 1848 г., в то время как оно, конечно, продолжало развиваться и Марксом, и Энгельсом, и Лениным, а теперь и Сталиным. Главный же порок книги Александрова заключается в том, что марксизм, доведенный до предельной высоты ленинизмом, знаменовал революционный переворот в философии, когда она из различных систем мыслителей-одиночек стала единым учением для миллионных масс. Можно было бы добавить, что тем самым она трансформировалась в идеологию, но первое слово было всё же более значимо и серьезно.

В своем заключительном слове Александров, конечно, каялся, полностью признавал свои ошибки, заверял как Жданова, так и Сталина в радикальном изменении своей деятельности, уверял в существенной переработке новой книги по истории философии и т. п. Когда уже закончилась «дискуссия», он, смущенный, стоял перед Ждановым, по выражению моего друга П. Т. Белова, как побитая собачонка, и в чем-то оправдывался. Многим стало ясно, что он переоценил свое положение и свою роль в партийном руководстве. Его освобождение от высокой должности и перемещение на должность директора Института философии состоялось через три-четыре месяца. Несколько загадочно, что столь жестко раскритикованную «Историю западноевропейской философии» не лишили Сталинской премии (во всяком случае в печати ничего подобного не было объявлено).

Прямым результатом речи Жданова для изучения истории философии стало расширение преподавания марксизма во всем его хронологическом объеме. Притом воззрения и произведения Маркса и Энгельса изучались лекционно и семинарски на кафедре истории западноевропейской философии, впоследствии переименованной в зарубежную, а Ленин и Сталин – на кафедре истории русской философии. Трагикомизм последних курсов (прежде всего для бедного Григория Степановича Васецкого, который их читал) проявился сразу после XX съезда, когда сталинист Хрущев столь примитивно раскритиковал Сталина (на университетском партактиве историки КПСС утверждали, что в 1920-е гг. он был еще троцкистом, но сумел вовремя

покаяться перед Сталиным). Удаление из преподавания его произведений и статей привело почти к половинной резекции «ленинского этапа в философии».

Положительным результатом той же дискуссии стало учреждение журнала «Вопросы философии». В нем, конечно, печаталось множество идеологизированных статей, но появлялось всё больше и собственно философских.

Ситуация на уровне философствующих эпигонов, непосредственно руководивших «философским фронтом» в различных учреждениях, по существу, менялась мало. В ней происходили лишь персональные изменения, как и сражения между ними, что в определенной мере оправдывало идею «фронта», в принципе призванного громить «буржуазную философию», которую знали и понимали очень плохо, и всякого рода попытки «искажения» марксизма-ленинизма.

В названном выше издании «Философия не кончается...» (кн. I, с. 232) приводится весьма характерная для состояния «фронта» докладная записка вышеупомянутого Ю. А. Жданова, тогдашнего заведующего отделом науки ЦК ВКП(б), написанная в сентябре 1949 г. секретарю ЦК М. А. Сулову, ставшему главным идеологом партии после смерти А. А. Жданова. Здесь Ю. А. пишет о «наших философах-профессионалах, заполняющих институты философии и философские кафедры учебных заведений, партийных школ... никто из них за тридцать лет советской власти и торжества марксизма в нашей стране не высказал ни одной новой мысли, которая вошла бы в сокровищницу марксизма. Более того, никто из наших философ-профессионалов не высказал ни одной мысли, которая обогатила бы какую-либо конкретную область знаний. Это в равной степени относится к Деборину и Митину, Юдину и Александрову, Максимову и Кедрову и всем остальным». Хочется сказать теперь уже покойному (в те годы моему знакомцу) сыну своего отца и зятю самого Сталина, что определяющая роль эпигонов, им названных и неназванных, заключалась главным образом в том, чтобы следить за «чистотой» марксизма и поддерживать ее, продолжая и даже усиливая догматизм «непрерывно развивающегося» учения, как тогда писали. К тому же адресат записки еще бдительно нес ту же службу, хотя тогда был далек от философии.

Несколько непонятно помещение автором записки в тот же ряд Бонифатия Михайловича Кедрова, которого мы тогда воспринимали как философского наставника самого Ю. А. Жданова. Оба они имели образование в области химии, и когда Б. М. стал академиком (1966 г.), он пользовался, пожалуй, наибольшим авторитетом среди академиков-естественников. Ю. А. Жданов стал членом-корреспондентом АН уже в Ростове, куда был «депортирован», по его словам, сразу после смерти грозного тестя. Что же до Кедрова, он был последовательным критиком Митина, не раз «ударяя» его. Основанием для такой агрессии (Митин на нее отвечал реже) было во многом то, что этот уже давний академик, по сути, не имеет авторских книг и даже в крутые сталинские времена какое-то время возглавлял «фронт».

Сам же Б. М. публиковал книгу за книгой, более всего по философии естествознания. И мне приходилось слышать, что этот маститый автор давно ничего нового не читает, а только пишет. Член партии большевиков с комсомольского возраста, он пострадал в годы репрессий, когда его отец, в свое время один из заместителей Дзержинского, был расстрелян, а брат, работавший в органах НКВД, был вынужден покончить с собой. Но в послесталинские времена Кедров быстро продвинулся, стал директором Института естествознания и техники в 1960–1970-е гг. и сумел принять в его сотрудники некоторых полудиссидентов (например, таких молодых талантов, как П. П. Гайденко и А. П. Огурцов). Сотрудником того же института стал упоминавшийся выше С. Р. Микулинский: вызволенный из фильтрационного лагеря сокурсниками, он добился степени доктора биологических наук.

Административная работа очень отвлекала Б. М. от литературной и прочей деятельности (он был и первым редактором «Вопросов философии»), и он назначил Микулинского своим заместителем, тот исполнял свою должность сверхуспешно. Когда Институт философии

выдвинул в члены-корреспонденты АН заместителя своего директора Александра Никифоровича Маслина, а отделение философии и права своим голосованием его утвердило, Б. М. обнаружил какие-то неправильности в этом процессе и добился отмены кандидатуры Маслина. На освободившееся место Б. М. двинул своего заместителя. Взвзвывая достойные отзывы от академиков-естественников, он провел в члены-корреспонденты Микулинского.

После неожиданной смерти в 1971 г. директора Института философии Павла Васильевича Копнина Кедров стал в 1972 г. директором и этого института. Он возглавлял его два года, но в 1974 г. был сброшен усилиями академиков Константинова и Митина, а с должности директора ИЕИТ, говорили, ему помог «освободиться» его заместитель, который и стал директором.

В коллекцию философствующих академиков вошел и Федор Васильевич Константинов. Профессор-икапист, активно поворачивавший вместе с Митиным и Юдиным «философский фронт» в должное русло после осуждения «меньшевиствующих идеалистов», занимал ряд высоких партийно-государственных должностей, был и первым президентом Философского общества. В своих выступлениях последовательно защищал «научную идеологию», обладал даром речи и был прозван «лирический марксист». Авторских книг не имел, но был назначен шеф-редактором первой советской пятитомной «Философской энциклопедии» (1960–1970). Далекий от философии, он добился назначения своим главным заместителем профессора Александра Георгиевича Спиркина, который и подбирал знающих руководителей отделов, а те – конкретных авторов статей. В 4–5-й тома прорвались диссидентствующие молодые авторы, они наполнили издание опасными статьями, особенно по русским дореволюционным идеалистам, на исследование которых было наложено литературное табу. В результате было сорвано представление «Философской энциклопедии» на государственную премию, что расстроило шеф-редактора и подобранных им «правильных» членов общей редколлегии.

Для характеристики отношений, складывавшихся среди философского начальства, можно привести один эпизод примерно того времени, когда готовилась докторская защита М. Т. Иовчука. Где-то в конце ноября 1947 г. на заседании кафедры истории философии появился сравнительно молодой красивый человек, которого звали Дмитрий Иванович Чесноков. Позже мне сказали, что это приехавший из Свердловска тамошний секретарь по пропаганде горкома ВКП(б). Он привез рукопись, трактующую мировоззрение А. И. Герцена, которую он просил рассмотреть на предмет ее докторской защиты в АОН. Александров, ведущий заседание, поручил Митину дать ей предварительную оценку. На следующем заседании академик заявил, что, прочитав рукопись, он убедился, что пока она представляет хорошую кандидатскую диссертацию и требует доработки для проведения ее на докторский уровень. Хотя рецензент, совсем недавно оппонировавший на защите диссертации по русской тематике М. Т. Иовчука и давший ей добро (вопреки, как мы видели выше, своему действительному мнению о ней), ничего не сказал по существу, рукопись Чеснокова была отклонена на дальнейшую доработку. Не состоявшийся тогда доктор философии возненавидел Митина и увеличил число врагов Александрова. В следующем году Дмитрий Иванович опубликовал эту работу, названную «Мировоззрение Герцена», и она вскоре получила Сталинскую премию. В дальнейшем, на XIX съезде партии (1952), тот же автор, работавший уже в Москве, в частности главным редактором «Вопросов философии», был введен Сталиным в состав Президиума ЦК КПСС.

Завершая обзор партийных начальников от философии кратко остановлюсь на Леониде Федоровиче Ильичеве. Икапист, рано вступивший в партию, он проделал обычную партийно-административную карьеру, вершина которой была достигнута в правление Хрущева, когда он, хрущевский прихвостень, стал секретарем ЦК КПСС. При подготовке членства в АН, не будучи членом-корреспондентом, он созвал представителей различных наук и поставил перед ними задачу методологического объединения. Показательно, что в своем обосновании

столь трудной задачи он, что-то слышавший об идеальном государстве Платона, провозгласил, что теперь, наконец, наступило то время, когда философы стали править государством.

* * *

К самому концу 1947 г. мне надоела подсобная должность заведующего учебным кабинетом при кафедре. В том же году при Совете министров СССР по прямому распоряжению Сталина было учреждено «Издательство иностранной литературы», имевшее задачей переводить и издавать наиболее интересные и важные произведения зарубежных авторов. В число нескольких редакций издательства была включена и редакция философии и психологии. Директором издательства был назначен весьма перспективный филолог Борис Леонтьевич Сучков. До войны они учились вместе с моим другом, упоминавшимся выше Михаилом Федотовичем Овсянниковым, ставшим здесь заместителем заведующего редакцией Михаила Александровича Дынника, назначенного министерством. Михаил Федотович пригласил в качестве редактора будущих книг и меня. Наша редакция встретилась сразу с огромными трудностями, ибо она должна была искать и издавать только «прогрессивных» авторов, и если удавалось найти таковых среди «буржуазных» философов, то при их публикации в те времена и сами авторы, и редакция быстро попадали под огонь партийно-догматической критики. С осторожностью искали бесспорных авторов, и одним из них стал английский коммунист Морис Корнфорт, автор «Науки против идеализма». Другой удачей стала книга «Теория отражения» болгарского коммуниста и деятеля Коминтерна (в те годы) Тодора Павлова (Досева), первого декана философского факультета МИФЛИ. Но деятельность издательства оказалась под ударом, когда органы НКВД в 1948 г. арестовали его директора Сучкова (получил «четвертак» и освобожден после смерти Сталина). Пришлось уйти из издательства М. Ф. Овсянникову, и я стал заместителем М. А. Дынника. Совершенно безопасными и необходимыми стали книги Гильберта – Аккермана «Основания математики» и Альфреда Тарского «Введение в логику и методологию дедуктивных наук», изданные при решающей роли Софьи Александровны Яновской.

Работая три года в «Издательстве иностранной литературы», я не терял связей с философским факультетом, нередко навещая туда. Хотя здесь продолжала господствовать кафедра Белецкого, у меня сохранялись дружеские связи с преподавателями других кафедр, да и на диамат-истмате у меня тоже оставались друзья.

Я почти всё время присутствовал на том партийном собрании философского факультета в марте 1949 г., продолжавшемся чуть ли не целую неделю. Повестка собрания по указанию ЦК ВКП(б) и московского горкома посвящалась обсуждению редакционных статей «Правды» и еженедельника «Культура и жизнь» (основан еще управлением Александрова; некоторые читатели под сурдинку называли его «Культура и смерть»). В названных статьях разоблачалась «антипатриотическая» группа театральных критиков, уличаемых в космополитизме, пренебрежении к советско-российской родине, построившей социализм и выигравшей страшную войну. Сталинско-большевистская партия инициировала тогда одну из позорных, по сути антисемитских кампаний, в которую вовлекались различные круги интеллигенции. Кафедра диамата-истмата, возглавляемая Белецким, стала главным объектом критики, потому что среди ее преподавателей было много (если не большинство) евреев. Таковым считался и сам Белецкий, который называл себя белорусом, проходившим учебу в православной семинарии. Выступавшие говорили о сплоченности кафедры, отсутствии критики и самокритики среди преподавателей, весьма почитавших своего заведующего за его принципиальность в теории и бесстрашие в критике высокого начальства и т. п. Г. Батыгин и И. Девятко в названном выше издании «Философия не кончается...», основываясь на архивных материалах, рисуют довольно подробную картину «философской борьбы» между эпигонами-начальниками Александровым, Митиным, Иовчуком, Кедровым, Чесноковым и другими и их бесстрашным критиком Белецким,

хотя все они, добываясь истины, апеллировали в своих посланиях к Сталину, Жданову, Маленкову, Сулову. Авторы подробно рисуют и ход названного собрания.

В изложении этих авторов поражает возвышенная, а иногда просто ложная оценка деятельности Белецкого. В ней он фигурирует как «неподкупный часовой философского фронта», отличавшийся свободомыслием, самостоятельностью мышления, самым последовательным марксистом, державшим в напряжении Институт философии и философский факультет и т. п. Здесь мне приходится вернуться к Белецкому, в семинаре которого я был участником, хорошо знал всех своих сокурсников, названных Батыгиным и Девятко, по довоенному факультету и тому же семинару. Отражал, пускай весьма запальчиво, попытки Белецкого опровергнуть мою диссертацию, попытки всё же провалившиеся, о чем свидетельствовало голосование в мою пользу и гром аплодисментов при оглашении протокола голосования.

Все названные выше эпигоны и тем более сам Белецкий всегда уличали друг друга в антимарксизме. Для такого взаимного «опровержения» определенное основание давали «основоположники», особенно Энгельс, который в четырех известных письмах к своим последователям-критикам признавался, что они с Марксом слишком напирала на роль социально-экономического базиса по отношению к различным компонентам духовной надстройки вообще, философии в особенности, подчеркивали его столь сильно, что исторический материализм многие и многие интеллектуалы трактовали как экономический материализм. Здесь вставала проблема относительной самостоятельности философской «надстройки», что и образует историю философии. Белецкий ее весьма плохо знал и не признавал, считая ее ассоцианистическим набором терминов, «гносеологической схоластикой» (по Ленину), идеалистической в своем отрыве от общественной жизни. Марксистско-пролетарская идеология – ее непосредственное отражение, а философию того же Гегеля следует трактовать как политическое оправдание прусско-немецкой государственности в ее стремлении к войне. Показательно также противопоставление Белецким русского революционного демократизма (Герцен, Чернышевский) западноевропейской «буржуазной» философии. Первая всё же обладала значительной самостоятельностью, и поэтому якобы не имела никакого отношения к возникновению марксизма, в то время как русский революционный демократизм, погруженный в жизнь и ориентированный на русский пролетариат, породил марксизм-ленинизм в России. Здесь «оригинал» приспособлялся к развивавшемуся «антикосмополитизму» противопоставления великой русской культуры западной культуре.

В этом же контексте развивались гносеологические споры об истине, точнее, объективной истине: что в ней преобладает и ее определяет – объект с его особенностями или закономерностями, или она определяется субъектом и без его познавательной деятельности не может вообще быть речи об истине, преобладание субъектного начала ведет к идеализму и т. п. В этих рассуждениях апеллировали к ленинскому «Материализму и эмпириокритицизму», где объективность истины максимально сенсуализирована, как это было у Гольбаха. Белецкий решал ее еще более примитивно, чем автор этого произведения. Отсюда, по-видимому, и байка, как руководитель семинара, распахнув окно с видом на Кремль (университет и факультет были тогда напротив его) и указав на него, сказал: «Вот она, объективная истина!» Я такого эпизода не вспоминаю, но она вполне соответствует трактовке истины Белецким, как и его обращения по теоретическим вопросам в «высшие инстанции». А. Д. Косичев в своей вышеупомянутой книге пишет, что студент 5-го курса Я. Аскинадзе обратился с письмом к Сталину с просьбой прояснить, как же понимать объективную истину.

Но вернемся теперь к партсобранию факультета в марте 1949 г. Оно проходило весьма бурно. Настойчиво критиковали кафедру диамата-истмата, заостря критику и против молодых ее преподавателей (Герман, Куражковская, Вербин, Ковальзон), Вадима Келле, писавшего диссертацию о Гегеле под руководством Белецкого, даже вывели из президиума собрания. Приняли постановление об увольнении проф. Белецкого с факультета, закрепленное и решением

совета. Но его восстанавливали не раз высшие партийные и министерские инстанции, несмотря на новые постановления об его увольнении парторганизациями философского факультета и университета. Поддержка Сталиным в 1944 г. (а З. Я. послал ему новое письмо в 1949 г.) «мастера эпистолярного жанра», как говорили на факультете и в университете, делала бессильными все постановления и решения «внизу», как ни кипятилось здесь множество противников Белецкого, а он вместе с Митиным стал активно поддерживать идеи Лысенко, которого приводил на факультет для выступлений перед студентами в большой аудитории. Однажды я пришел, чтобы послушать этого дремучего субъекта, который, в частности, доказывал отсутствие внутривидовой борьбы: «Заяц зайца не ест, волк зайца ест».

После смерти Сталина удалось переместить Белецкого на кафедру диамата-истмата для гуманитарных факультетов, а в 1955 г. министерство переместило его на ту же должность в Инженерно-экономический институт. Никто из сотрудников его кафедры, бывших его аспирантов, за ним не последовал. Один из его активных защитников на факультетских баталиях Иван Михайлович Панюшев рассказал мне об их разочаровании в Зиновии Яковлевиче как в ученом и человеке. Сам я слышал, присутствуя при их беседах (Белецкий жил уже в нашем университетском доме), как после XX съезда КПСС он поносил Хрущева за его разоблачение Сталина, почему-то сравнивая первого с Распутиным. Не повезло ему и в личной жизни: со скандалом ушла жена, врач по профессии, а дочь выбросилась с балкона.

* * *

Конец диктатуры Белецкого на факультете открыл мне возможность возвращения. Ушли в факультетскую аспирантуру двое основных редакторов, И. С. Нарский и А. П. Петрашик, а М. А. Дыннику, раскритикованному за отсутствие активности в подборе иностранной философской литературы (что было трудно и небезопасно), пришлось оставить заведование редакцией, в которой кроме меня оставались два младших технических редактора. Всё это поставило под вопрос существование редакции в Иноиздате. Я тоже покинул ее, и она была закрыта. Однако ЦК года через два приказало дирекции издательства редакцию снова открыть. Заведующим стал Н. Г. Тараканов, набравший новый состав.

На философский факультет МГУ я был зачислен не сразу, приводил какие-то возражения тот же Белецкий. Но ситуация на кафедре истории философии изменилась, теперь, после смерти Б. С. Чернышева, ею по совместительству заведовал Василий Иосифович Светлов. Икапист, он работал в аппарате ЦК и был в 1944 г. направлен оттуда на пост директора Института философии (вместо П. Ф. Юдина при осуждении III тома «Истории философии»), автор книги о браке и семье при капитализме и социализме, о формировании философских взглядов Маркса и Энгельса. Каким-то образом заинтересовался античной философией и в 1946 г. на сессии АН СССР, посвященной 2000-летию со времени смерти Лукреция Кара, сделал доклад «Мировоззрение Лукреция Кара», в котором, в частности, доказывал, что древнегреческие боги, фигурирующие в его поэме «О природе вещей», – только маскировка римского материалиста. В 1946 г. Светлов стал заместителем министра высшего образования, продолжая заведовать той же кафедрой.

Мое устройство туда было сомнительно, ибо заместитель министра очень опасался Белецкого. Но своим заместителем по кафедре он пригласил доцента Теодора Ильича Ойзермана, работавшего в Экономической академии им. Плеханова, с которым я был знаком с ифлийских времен (он был тогда аспирантом). Умнейший и выдающийся речист, он стал одним из самых активных критиков Белецкого, который его ненавидел. Человек весьма оперативный, он, развивая традиционную уже идею, подчеркнутую и в речи Жданова, в 1948 г. издал основательную брошюру «Возникновение марксизма – революционный переворот в философии», прибавив на обложке к своей фамилии фамилию Светлова. Он отвел все возражения «белец-

кианцев» против моей кандидатуры, и я стал старшим преподавателем родной кафедры. На нее не только косились «белецкианцы», но и партком факультета не очень-то ее любил. Теодор Ильич умело обходил все препятствия. Положение его окрепло, когда он, ориентируясь на высказанное Ждановым недоумение, почему история марксистской философии заканчивается «Коммунистическим манифестом», весьма оперативно (он читал на кафедре курс по развитию доктрины Маркса – Энгельса) написал докторскую диссертацию «Развитие марксистской философии на опыте революции 1848 г.» и защитил ее в декабре 1951 г. К тому времени я вполне вошел в деятельность кафедры, читая курсы истории домарксистской классической философии на отделении психологии и на историческом факультете.

* * *

Но здесь мне пришлось прервать свою работу на факультете. В министерство высшего образования поступил запрос из аналогичного ведомства Корейской народно-демократической республики с просьбой прислать им профессора или доцента для чтения курсов и проведения занятий именно по истории философии в Университете им. Ким Ир Сена, тогдашнего их партийного и государственного руководителя. Меня вызвали в наше министерство и категорически предложили, как и специалистам по другим предметам, длительную командировку в эту республику. На мой недоуменный вопрос о том, что там идет ожесточенная война между Севером и Югом (уже и при участии американских войск Макартура и китайских «добровольцев») ответили: «Сейчас идут переговоры о перемирии между социалистическим Севером и буржуазным Югом, к нашему приезду оно будет заключено, и мы будем работать нормально». Быстро я собрал не так уж много книг и отправился с экономистом Виктором Юрьевым на вокзал в январе-феврале 1952 г.

Через всю Сибирь и Маньчжурию мы прибыли в Корею, но не в сам Пхеньян, который наиболее часто подвергался бомбардировкам американской авиации. У встречавшего нас представителя министерства образования КНДР, советского корейца Пака, спросили, почему они потребовали для философского факультета именно историка философии. Он, ухмыляясь, ответил, что историк философии может преподавать диамат-истмат, а обратное, как правило, невозможно. Мне оставалось пожать плечами (диамат-истмат я многократно преподавал в различных вузах Союза в период от защиты диссертации и возвращения на философский факультет МГУ). Через несколько дней меня и Юрьева повезли в сопки в 50–60 километрах от столичного Пхеньяна, где в ряде «чиби» (большие, просторные деревенские дома) располагался Университет им. Ким Ир Сена. Пришел и представился в качестве и. о. ректора еще один советский кореец Ю Сен Хун. Приятный человек, он в дальнейшем просил именовать его «Сергей Павлович». Он прибавил при этом, что подлинный ректор в какой-то военной ситуации утонул в реке Тедонган и теперь он, проректор, исполняет обязанности ректора до конца войны (заклучения перемирия). Министерство назначило меня его советником.

Хотя в советском министерстве заверяли, что к нашему приезду будет заключено перемирие и мы будем работать в Пхеньяне, но оно заключено не было. В посольстве нам под сурдинку сказали, что Сталин «рекомендовал» Ким Ир Сену заключить перемирие лишь после того, как южане передадут всех пленных северокорейцев, а они (конечно, по указке американцев) говорили, что эти военнопленные не хотят возвращаться в КНДР. Так почти полтора года пришлось работать в условиях войны. Хотя нам прорыли в одной из сопки убежище от бомбежек, но были ситуации, когда при американских налетах приходилось ползать по земле.

Свои лекции я записывал, а мой корейский ассистент Ким, учившийся в Москве, переводил их на корейский язык и читал студентам, а их вопросы он переводил с моих слов. Однажды к нам прибыл сам Ким Ир Сен, довольно красивый мужчина, пригласивший нас с Юрьевым в хорошее чиби с большим залом. Состоялась довольно длительная беседа, которую переводил

сам проректор-ректор. Он рассказывал вождю о трудностях физического существования университета, когда не столько в результате бомбежек, сколько в условиях сильнейших дождей (субтропики) разрушаются плохо построенные чибби и приходится строить новые. Вождь сказал, что надо тщательно изучить причины некачественности их постройки и, строя новые, не повторять ошибок. Позже я уяснил, что тогда и начиналось великое учение чучхе. Оно разрабатывалось, в частности, кандидатом философских наук нашего факультета (научный руководитель Д. М. Угринович) Хван Ден Обом, ставшим здесь секретарем ЦК Трудовой партии. Ким Ир Сен приобрел тогда огромный авторитет. О нем сочинили песню, которую, как гимн, стоя исполняли вначале каждого большого собрания. На лекции по диамату собирались довольно большие аудитории. Одним из особо частых пожеланий была просьба подробнее разъяснить закон диалектики, трактующий закономерность качественного скачка в силу количественных изменений. Заинтересованность в этом законе, подчеркивали многие прямо, позволяет твердо верить в то, что корейской республике удастся, минуя капитализм, построить социализм.

Смерть Сталина мы переживали еще в сопках, но заключение перемирия в мае 1953 г. позволило перевести университет в Пхеньян. Здесь происходили более частые лекции не только для университетских аудиторий. Отношение к ним студентов, преподавателей и руководителей было более чем благожелательным. За добросовестную работу в особо трудных условиях военного времени нас наградили орденами Государственного Знамени II степени.

* * *

Я вернулся на факультет и на кафедру в мае 1954 г. Полноправным ее заведующим стал Теодор Ильич Ойзерман (Светлов вернулся на нее рядовым профессором в 1953 г. и умер через два года). На кафедре работали как бы два слоя профессоров с дореволюционным образованием, кроме Ойзермана и Светлова, и преподавателей (трое в том же году стали доцентами).

Михаил Александрович Дынник, сын крупного адвоката, получил хорошее гимназическое образование, в 1919 г. окончил философское отделение историко-филологического факультета Киевского университета. В 1918 г. принимал активнейшее участие в студенческих движениях и вступил в партию эсеров (левых), собирался заниматься общественно-политической деятельностью, но вступление в партию большевиков было наглухо закрыто. Переехав в Москву, переключился на античную философию и стал аспирантом РАНИОН (Российская ассоциация научных исследований), где учился одновременно с Б. Г. Чернышевым. По окончании опубликовал книгу «Диалектика Гераклита Эфеского» (1929), а в 1936 г. – книгу «Философия классической Греции». Был типичным приспособленцем к марксистской диалектике. Читая лекции по античной философии на старшем курсе (Ойзерман, З. Смирнова, И. Щипанов и др.), трактовал Сократа как «врага народа» (афинского). Вторую его книгу очень ругали за догматизм другие философы-античники. В частности, Б. С. Чернышев говорил, что он превратил Платона в каналью (об этом мне сообщил сам М. А.). Выступил официальным оппонентом упоминавшейся выше докторской диссертации Г. Александрова (а Б. Чернышев ее игнорировал). Первый, став большим начальником, выдвигал его на хорошие места, сделав членом своей кафедры в АОН, заведующим редакцией философии и психологии в Иноиздате. Здесь он стал моим начальником, и я оценил его остроумие в повседневной жизни, как и порядочную лень: из осторожности ни разу не поставил своей подписи ни на одной стадии готовящейся книги и не очень-то стремился к их выявлению для перевода и издания.

Филологически образованный и литературно одаренный, он переводил стихи с французского и итальянского, в частности, философские поэмы Бруно, поэму Парменида. Но собственные статьи М. А. не отличались какой-то оригинальностью, были пересказательны, догматически заурядны. Я не знал ни одного аспиранта, который выражал бы признательность за его руководство. Несколько лет читал семестровые курсы по критике новейшей буржуазной

философии, которые отличались остроумием, но не содержательностью. Пришлось его от этого курса освободить, о чем скажу в дальнейшем.

Ошибка, совершенная Михаилом Александровичем в юности (в 1918 г. невозможно было угадать, какая партия будет править Россией), не помешала ему в дальнейшей жизни преданно улучшать ее. В 1950-е гг. уже стали выпускать за границу ученую (или считавшуюся таковой) публику. Небольшая делегация во главе с директором Института философии Ф. В. Константиновым поехала в Швейцарию. Здесь произошла какая-то встреча с группой местных философов (кажется, в Женеве), один из них, рассуждая о Гераклите, допустил какую-то ошибку, и М. А. его умело поправил. Этот и какие-то другие факты остроумия Дынника привели руководителя нашей делегации, ничего не знавшего о диалектике Гераклита, да еще сформулированной по-французски, в такой восторг, что он где-то через год провел (1958) М. А. в члены-корреспонденты АН СССР.

Постарше Дынника был Орест Владимирович Трахтенберг (р. 1889), происходивший из прибалтийских дворян. Учился он на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета по кафедре философии права. В молодые годы с ним тоже приключилась неприятность, когда он, оказавшись на Северном Кавказе, в 1919 г. был мобилизован в Добровольческую армию Деникина. Конечно, переживал, но как человек смирный и благожелательный, беспартийный. Правда, в 1952 г. на факультете усилиями тогдашнего декана А. П. Гагарина всё же приняли в партию «бывшего деникинца» (по словам последнего). Оказавшись в Москве, Орест Владимирович преподавал социальные дисциплины в различных вузах, в особенности в Коммунистической академии им. Н. К. Крупской, где несколько лет вел ИРОФ. На мой вопрос, что это за зверь, ответил: «История развития общественных форм». В академической карьере профессора Трахтенберга особо важную роль сыграли издания «Беседы с учителем по историческому материализму» и «Беседы с учителем по диалектическому материализму». Благодаря им в 1947 г., когда открылась Академия педагогических наук, он стал одним из ее академиков-основателей.

За несколько месяцев до начала войны в Институте философии, где он был научным сотрудником, защитил докторскую диссертацию по средневековой западноевропейской философии, первую в СССР и долго единственную. В соответствии с высказыванием Маркса о номинализме как главной материалистической тенденции в этой философии ей (главным образом Оккаму) и была посвящена эта диссертация. Фома Аквинский, совершенно чуждый светской идеологии, представлен маловразумительно. В 1957 г. работа была издана отдельной книгой. Хороший лектор, Орест Владимирович в 1940-е – начале 1950-х гг. читал лекции по домарксистской западной философии (кроме немецкой). Последние три года он работал дома и умер в 1959 г.

Из профессоров философии с дореволюционным образованием самым выдающимся был Валентин Фердинандович Асмус, ученый-гуманитарий энциклопедического плана. Был незаурядным специалистом в области истории философии (античной, новоевропейской, по немецкому классическому идеализму (Кант), новейшей западной философии, дореволюционной философии в Московском университете). По глубине, точности и стилистике ему не было равных в советской философии. Здесь я коснусь только этой стороны его таланта, проявившейся в педагогике и научно-исследовательской работе, оставляя его деятельность в области логики, истории и теории эстетики, как и литературоведения.

Он учился одновременно с Дынником на отделении философии и русской словесности историко-филологического факультета Киевского университета. По окончании преподавал эстетику в тамошних вузах, в 1927 г. его пригласили читать лекции по истории философии в тот самый Институт красной профессуры, а через несколько лет этот же предмет он преподавал в Академии коммунистического воспитания. Но в 1931 г., когда разразилась катавасия по критике «меньшевистствующего идеализма», его тоже причислили к этому опасному заблужде-

нию. Особенно остро его поносили в академии и хулигански (лекции он читал, не снимая обручального кольца) изгнали оттуда. В ИКП он работал всё же до его закрытия. В 1940 г. в Институте философии защитил докторскую диссертацию по эстетике древнегреческой философии. В дальнейшем работал и там, и в Институте мировой литературы. В МИФЛИ его приглашали для чтения небольшого курса логики (тогда я с ним мимолетно познакомился). В 1943 г. Асмус в небольшой группе авторов трех томов стал лауреатом сталинской премии (а потом государственной – после смерти Сталина и «реабилитации» III тома). Как выше отмечено, избранный в члены-корреспонденты АН на отделении философии и права, он был «забаллотирован» (вместе с Быховским) по распоряжению ЦК ВКП(б). В годы войны Асмус в основном официально работал на кафедре логики. В 1947 г. он опубликовал фундаментальный учебник по традиционной логике. Позже им были опубликованы другие работы по логической проблематике.

В 1954 г. глава кафедры Т. И. Ойзерман добился перевода В. Ф. на нашу кафедру истории зарубежной философии (так она стала называться), чему мы были чрезвычайно рады. Его лекции отличались строгостью и точностью мысли, как и незаурядной стилистикой (здесь проявлялся и его эстетический дар, особенно яркий в его публикациях). Авторитет Асмуса-автора, да и учителя, был очень велик как на факультете, так и за его пределами. Работая уже на кафедре, он опубликовал учебник по античной философии и весьма содержательные брошюры по ее различным фигурам (Платон, Демокрит). Перечислять многие труды здесь нет смысла.

Безупречный интеллигент, В. Ф. был отличным, внимательным руководителем и консультантом по различным вопросам и фигурам философии. У него осталось много почитателей, что, в частности, проявилось на его похоронах в самом начале июня 1975 г. В. Ф. был религиозным человеком, и естественно, что семейство пригласило священника для свершения службы и соответственных похорон, что тогда было не безопасно. У церкви в Переделкине, куда прибыл после отпевания священник, собралось множество учеников и почитателей покойного. Некоторые из них при виде священника повернулись и стали удаляться к станции. Но я организовал светское прощание, сказал слово о незаурядности покойного, за мной выступил декан факультета Серафим Тимофеевич Мелюхин и закончил С. М. Макашин, редактор «Литературной летописи», с которой много лет сотрудничал покойный. Священник с сыном покойного Валентином, его женой Инной под пение псалмов двинулись к могиле, мы с Мелюхиным пошли за ними и участвовали при погребении по русско-христианской традиции. На следующий день по требованию парткома МГУ писали объяснение столь «позорного» события.

Асмус был последним профессором нашей кафедры (да и факультета) досоветского образования. Теперь педагогическая и научная работа ложилась на нас, философов советской выучки. Из «молодых» самым старшим был Юрий Константинович Мельвиль, родившийся в 1912 г. в дворянской семье. Социальное происхождение позволило ему закончить лишь Плановый институт в довоенном Ленинграде, а он мечтал о философии. Лишь став членом КПСС в армии, он смог в 1945 г. поступить в аспирантуру философского факультета по нашей кафедре, где в 1948 г. под руководством В. Ф. Асмуса защитил кандидатскую диссертацию об английском прагматисте Шиллере. Вместо М. А. Дынника он стал читать и постепенно расширять курсы истории современной западной философии. Совершил две командировки в США, где проводил собеседования с местными философами. В 1964 г. защитил фундаментальную монографию «Чарльз Пирс и прагматизм» на степень доктора. В 1968 г., после перехода Т. И. Ойзермана в Институт философии, Ю. К. был назначен заведующим нашей кафедрой, которой руководил до 1985 г. Был очень тщателен, педантичен в руководстве многими аспирантами, готовя их к кандидатским защитами. Внимательно читал и выступал при обсуждении *всех* диссертаций, подготовленных под руководством других членов кафедры. Добился образцовой дисциплины в работе преподавателей и аспирантов кафедры. Министерством высшего обра-

зования наша кафедра истории зарубежной философии была определена как ведущая историко-философская кафедра университетов СССР.

Весьма активным преподавателем и профессором кафедры истории зарубежной философии был Игорь Сергеевич Нарский. Он специализировался главным образом в истории новоевропейской домарксистской и в некоторых темах новейшей западной философии. Как член редколлегии большой серии изданий классиков «Философское наследие» (см. ниже), зная польский язык, он издал несколько томов произведений польских философов (вступительная статья, редактирование текстов и комментарии). В этой же серии издал произведения Юма, Беркли, Локка, Лейбница, большой том «Антологии мировой философии». Издал три тома учебных пособий для философских факультетов (от Бэкона до Фейербаха). В журналах «Вопросы философии», «Философские науки» и в других изданиях опубликовал множество статей. Многочисленность изданий философских работ в те годы рассматривалась как важнейший критерий прохождения в члены АН СССР. Игорь Сергеевич не раз претендовал на избрание ее членом-корреспондентом. В 1970 г. он снова подал документы в Отделение философии и права, где его очень поддерживали Митин и Иовчук, и стал одним из трех, кажется, претендентов на обсуждение и голосование (положительный результат утверждался на общем собрании АН СССР). Но кто-то из членов отделения сказал ему, что у них распушен слух, будто он еврей. Возмущенный Игорь Сергеевич обратился к президенту академии М. В. Келдышу с протестом против таких слухов (в подробностях изложил свою биографию, опровергающую столь «подлый» слух) и просил передать этот протест в Отделение философии и права, что тот и сделал. Но в отделении произошел большой скандал, и Нарский был отвергнут без обсуждения. Когда мы узнали об этом на кафедре, мудрый Валентин Фердинандович сказал ему: «Игорь Сергеевич, ну разве можно протестовать против слухов!» Расстроенный Нарский покинул нашу кафедру, перейдя в АОН, хотя именно мы выдвинули его в члены-корреспонденты АН.

К более молодому поколению преподавателей кафедры истории зарубежной философии принадлежал Алексей Сергеевич Богомоллов, «опоздавший» к призыву в армию во время войны (р. 1927), призванный в авиацию сразу после ее окончания. Однако здесь он заболел тяжелым диабетом, был комиссован и поступил на философский факультет. По окончании факультета и аспирантуры нашей кафедры он стал активнейшим лектором, руководителем семинаров и аспирантов. Вместе с Ю. К. Мельвилем, своим научным руководителем, он основательно в течение двух семестров вел занятия по «буржуазной» европейской и американской философии XIX–XX вв. Были опубликованы основательные курсы лекций по этим эпохам и проблемам. Теперь оказался не нужен «осужденный» за ненадобностью III том «Истории западной философии», полностью обесценились легковесные курсы М. А. Дынника. А. С. Богомоллов в 1964 г. защитил оригинальную докторскую диссертацию «Идея развития в буржуазной философии XIX и XX веков» (по одноименной монографии). Конечно, она, как и другие работы автора, выполнена на основе марксистской методологии, ибо иная была в те, как и в последующие, годы для нас противопоказана, невозможна в условиях сугубого догматизма.

Освоив новейшую «буржуазную философию», Алексей Сергеевич повернулся на 180 градусов, ознакомился с греческим языком и углубился в античную философию, опубликовав несколько работ. Итогом этих его занятий стал основательный курс «Античная философия» (1985). Твердый характер и административные способности (одно время он работал заместителем декана факультета) дали основания ректору университета Рему Викторовичу Хохлову выдвинуть его на пост декана факультета после окончания срока деканства М. Ф. Овсянникова в 1974 г. Однако консервативное большинство совета (в основном заведующие кафедрами), по-видимому, опасаясь усиления требовательности, провалило эту кандидатуру. Но и при положительном голосовании Богомоллову было бы весьма трудно работать с его тяжелым диабетом (два укола ежедневно). На ранней лекции ему стало плохо, он просил студен-

тов подождать и пошел в туалет для укола. По дороге преподаватель упал, сломал ногу. Его отвезли в госпиталь, где ногу отняли, но через несколько дней А. С. умер (1983) от сердечной недостаточности. Мы с горестью хоронили его, и я еще на факультете произнес речь об этом незаурядном ученом и человеке.

Годом старше А. С. Богомолова был Арсений Николаевич Чанышев. Сын архиепископа Смоленского и Вяземского Тихона Николаевича Никитина (в церковном сане Модест), арестованного и расстрелянного в 1937 г., он скрывал этот факт, приняв фамилию матери. Окончил философский факультет и аспирантуру нашей кафедры в 1955 г., защитив диссертацию по американскому протестантизму. Последовательно работал как ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор. Отличался прямоотой и резкостью характера. Как автор основательно осмысливал проблему возникновения философии в Античности и в древности в целом. Наиболее интересны в этих областях его книги «Эгейская предфилософия», «Италийская философия», «Начало философии». А. Н. издал и курсы лекций по античной философии. Наиболее фундаментальным учебным пособием Чанышева стала книга «Философия древнего мира» (1999), в которой «по ходу Солнца» изложены философские идеи и учения китайской, индийской, античной «профилософии» и собственно философии до ее завершения неоплатонизмом. Учебного пособия на русском языке, охватывающего все страны и сюжеты древности, написанного одним автором, кроме этого, нет. А. Н. Чанышев содержательно разрабатывал и максимально абстрактную философскую проблематику. Наиболее интересен здесь «Трактат о небытии» («Вопросы философии», № 10, 1990).

Арсений Николаевич был и незаурядным поэтом по философско-мировоззренческим, морально-этическим, сатирическим сюжетам. Он стал членом Союза писателей. Как поэт, нередко писавший «в стол», выдавал и свои политические воззрения. Например:

Кто знал, когда тифозных вшей давили
И собирали Русь под красный флаг,
Что строим пьедестал для Джугашвили,
А для себя архипелаг ГУЛАГ.

Сокурсник А. С. Богомолова Виталий Николаевич Кузнецов, закончивший факультет в 1955 г., но учившийся в аспирантуре кафедры философии Московского областного пединститута, защищал кандидатскую диссертацию о Вольтере на нашей кафедре, короткое время работал в Институте философии и с 1960 г. стал членом нашей кафедры, на которой оставался до смерти (2011). Основным содержанием его исследовательских интересов была философия французского Просвещения XVIII в., в особенности материализм той эпохи. Один год он стажировался во Франции, в Сорбонне. Писал работы разного объема и по другим французским философам XX в. Докторскую диссертацию «Экзистенциализм Жана-Поля Сартра» В. Н. защитил в 1973 г. В принципе он последовательно придерживался марксистско-ленинской методологии. Философскую оригинальность формулировал с помощью собственных терминов: «фиксизм» – в отношении метафизики в трактовке Энгельса, «панэдукационизм» – в отношении морально-социальной концепции Гельвеция и др. Последняя книга В. Н. Кузнецова «Туманные вершины мировой философии. От Платона до Делёза» (2001) в четырех главах содержит разбросанный обзор имен и идей множества философов (далеко не только тех, которые фигурируют в заголовке всей книги). Немалое место здесь занимают высказывания и формулы Маркса, Энгельса, Ленина. Попытка прояснить «туманность» Платона, Плотина, Юма и Делёза (как и ряда философов между ними), пожалуй, только усилила ее.

Сокурсником Богомолова и Кузнецова был Анюр Мусеевич Каримский. По окончании философского факультета и аспирантуры нашей кафедры он работал в международном отделе ЦК профсоюза высшей школы и научных учреждений. Уволившись оттуда, Каримский стал

сотрудником нашей кафедры – от ассистента до профессора. Его вкладом в научно-педагогическую деятельность кафедры стала американская философия, в которой он выявил и осмыслил натуралистическое направление как специфическую особенность американского духа в его философской ментальности. Писал он и по вопросам религиоведения в его гуманистическом аспекте. Новой в нашей философской монографической литературе стала его книга «Революция 1776 г. и становление американской философии» (1976). Очень ясна и содержательна монография А. М. Каримского «Философия истории Гегеля» (1988), его докторская диссертация, одно из лучших исследований по столь важной проблематике в нашей историко-философской литературе. Умер Анюр Мусеевич от рака в 1993 г.

Доцентом, а затем профессором нашей кафедры работал и Михаил Федотович Овсянников, о котором я писал в начале этих воспоминаний. Первый период этой работы, начавшейся с защиты кандидатской диссертации «Судьба искусства в капиталистическом обществе у Гегеля и Бальзака» (1943) (оппонентом здесь был Д. Лукач), продолжался на кафедре истории западноевропейской философии, когда еще был жив Б. С. Чернышев, и частично на кафедре диамата-истмата, возглавляемой Белецким. Михаил Федотович был образцом внимательного и доброжелательного педагога в отношении и студентов, и аспирантов. Вместе с тем наша с ним критическая позиция относительно «теорий» Белецкого привела в результате происков последнего к удалению Овсянникова с факультета (1947) и вынужденному переходу на кафедру философии в Московский областной пединститут. По моему возвращению на факультет из КНДР по договоренности с заведующим кафедрой Т. И. Ойзерманом и деканом факультета В. С. Молодцовым (Белецкого на факультете уже не было) Михаила Федотовича вернули в 1955 г. на факультет, на нашу кафедру, где он работал с полной отдачей и авторитетом в кругах студентов и аспирантов. Здесь состоялась и его защита докторской диссертации на основе монографии «Философия Гегеля» (1959). Филолога по образованию М. Ф. Овсянникова более всего всё же привлекала эстетическая проблематика, о чем свидетельствует уже его оригинальная кандидатская диссертация. Ориентируясь на это важнейшее обстоятельство, руководство факультета и университета учредило кафедру эстетики во главе с М. Ф. Овсянниковым. Такая кафедра появилась впервые в истории Московского университета.

Самым молодым членом нашей кафедры в советский период стал Александр Феодосиевич Грязнов. Окончив факультет с красным дипломом в 1971 г., он, минуя аспирантуру, был зачислен ассистентом кафедры, вел педагогическую работу, готовя одновременно кандидатскую диссертацию, которую защитил по философии Шотландской школы (одноименная монография опубликована в 1979 г.), до того совсем не исследованной в русской историко-философской литературе. А. Ф., великолепно знавший английский язык, ездил как стажер в Великобританию, а впоследствии и в Соединенные Штаты. Уделяя значительное внимание классической философии (в основном англоязычной), А. Грязнов особо значительные исследования посвятил философской проблематике языка. Главным его исследованием стала докторская диссертация «Язык и деятельность. Критический анализ витгенштейнианства» (1990). Недолго, 2–3 года, А. Грязнов работал заместителем декана факультета (им был тогда доцент А. Панин), но здоровье – больные почки – не позволили ему продолжить эту деятельность. Он умер безвременно, на 53-м году жизни, в 2001 г.

Выше я упоминал двух профессоров философского факультета, Алексея Федоровича Лосева и Павла Сергеевича Попова, с которыми я впервые встретился на факультете по возвращении из госпиталя. Оба они формально не принадлежали к кафедре истории философии, ибо были присланы из ведомства Александрова для преподавания логики и как бы образовали секцию на кафедре диамата-истмата, которой стал заведовать З. Я. Белецкий. Я, ставший уже аспирантом, был огорчен, когда А. Ф. удалили с факультета в 1944 г. на кафедру классической филологии Пединститута им. Ленина. В дальнейшем, не встречаясь с Лосевым, я узнал о некоторых фактах его жизни и значительных его трудах. Через год после возвращения из

КНДР я с радостью прочитал в «Литературной газете» рецензию украинского академика А. И. Белецкого на работу А. Ф. по древнегреческой мифологии, опубликованной в трудах Душанбинского педагогического института. Теперь (он умер в 1988 г.) уже много лет его имя и множество опусов широко известны в России и за границей, и я коснусь их содержания лишь в контексте моих воспоминаний.

Меня ввел к нему М. Ф. Овсянников, достаточно близко сошедшийся с ним в 1943–1944 гг. еще на факультете. Потом я, проживая в Загорянке, посетил их в 1956 г. в соседней Валентиновке, где он вместе с супругой Азой Алибековной Тахо-Годи снимал дачу. Состоялось довольно тесное знакомство, когда я рассказал, что собой представляет теперь факультет, с которого его когда-то удалили. В частности и о Павле Сергеевиче Попове. Они в 1915 г. окончили историко-филологический факультет Московского университета по отделению философии и классической филологии. Говоря о Попове, я убедился, как не жалуется и даже ненавидит А. Ф. своего бывшего сокурсника. Он и сам мне рассказал о своем отношении к П. С. Как ученый и автор, опубликовавший многие солидные труды, он видел во главе будущей кафедры именно себя. Между тем его удалили с факультета, а Попов (тоже подвергавшийся аресту по политическим мотивам, как и Лосев) сумел сжиться с Белецким и получить кафедру логики, когда она образовалась. Как он представлял логику, пойдет речь в дальнейшем.

В 1958 г. я опубликовал в «Вопросах философии» рецензию на большую монографию Лосева «Античная мифология в ее историческом развитии». Это была вторая после А. И. Белецкого рецензия на его труд после освобождения из лагеря ОГПУ и снятия суди мости в 1932–1933 г. Теперь ему открывались все большие возможности не только писать, но и публиковаться. Мы с М. Ф. Овсянниковым стали его ежегодно посещать на даче А. Г. Спиркина, где они проживали летом почти до самой его смерти. Я не раз навещался и в их квартиру на Арбате. Для нас он был весьма интересен не только как мировой специалист по античной культуре и философии, но и как свидетель философской и филологической жизни с дореволюционных времен и многих лет советской власти, жизни, которую мы представляли только ретроспективно. Не чурались мы и политической современности. Так, при разговоре о политико-экономических благоглупостях Хрущева, А. Ф. заметил: «Ну что ж, мировой Дух знает, каким дураком ударить по истории!» В своих посещениях мы с удивлением лично наблюдали, как А. Ф., который тогда уже более чем семидесятилетний автор, писал (диктовал), демонстрируя сверхчеловеческую работоспособность. В данном случае я имею в виду его «Историю античной эстетики», шесть томов которой мы получили (начиная с 1964 г.) с авторскими надписями. По сути этот труд, каждый том которого составляет несколько сот страниц, представляет всю многовековую древнегреческую и древнеримскую философию на фоне античной культуры. Эта серия насчитывает десять огромных опусов (с посмертными их изданиями).

Для перехода к краткой характеристике философской ментальности Алексея Федоровича приведу один личный эпизод. Я тоже осмелился подарить ему в 1984 г. свою книгу о западноевропейской философской классике эпохи Возрождения и XVII в. К тому времени я полностью убедился, что невозможно излагать эти сюжеты, не анализируя в антропологических, гносеологических, моральных и социальных аспектах проблему Бога в ее возникновении и развитии до монотеистической и вероисповедальной стадии. А. Ф. похвалил меня, но многозначительно добавил: «Вот ты, Вася, можешь теперь рассуждать и даже анализировать проблему Бога, а вот я, коснись в 20-е годы публично этой проблемы, как меня одернут: “А зачем ты нас в церковь-то зовешь?”».

За таким воспоминанием скрывалась его жизнь в 1920–1930-е гг. Он, тогда уже с ослабленным зрением, опубликовал восемь основательных книг, наиболее значительными из которых, по моему мнению, были «Философия имени» и «Диалектика мифа». Важнейшей философской платформой этих, как, в сущности, и всех книг данного (и не только) периода, были платонизм и неоплатонизм, которые автор знал досконально. Однако по его собственному при-

знанию, эйдетические формулы платонизма он стремился сочетать с гегелевской панлогической диалектикой и феноменологией Гуссерля. Все эти труднейшие доктрины автор сочетал также с религиозно-теологическим направлением имяславия (Бог есть имя, слово; учителем Лосева здесь был о. Павел Флоренский). Это направление, враждебное официальной русской православной церкви (патриархи Тихон и Сергей) за ее примиренчество с советской властью.

Алексей Федорович вместе с супругой Валентиной Михайловной тайно приняли монашеский постриг. Историческая парадигма Лосева в те годы была религиозно-примитивной: история человечества представляет собой постоянную борьбу божественного и сатанинского начала. Последнее и воплощено в марксистско-советских начальниках и подчиняющемся им простом народе, а первое олицетворено в правильной церкви как непосредственном установлении Бога и в высокоморальных и просвещенных монахах, его верных послушниках. Эти мысли А. Ф. вписал в свою «Диалектику мифа» без ведома цензуры. ОГПУ, тогда главный карательный орган большевистской партии и государства, сфабриковало дело имяславского движения как антисоветского и контрреволюционного. Лосев был арестован как его идейный вдохновитель. На XVI съезде ВКП(б) летом 1930 г. его «разоблачил» и поносил Л. Каганович, секретарь ЦК ВКП(б). По «суду» он был приговорен к десяти годам лагерей и отправлен на Беломорканал.

В декабре 1930 г. с резкими статьями «О борьбе с природой» А. М. Горький выступил против «реакционера» в «Правде» и «Известиях». А. Ф. был, видно, очень обижен на Горького и говорил мне с обидой: «А что сам-то Горький писал в 1918 г.?», – имея в виду его тогда резкую, разоблачительную критику Ленина и большевиков. По-видимому, именно из этих статей Горького о деле А. Ф. узнала юридическая жена писателя Екатерина Павловна Пешкова, которую муж уже давно покинул. Она занимала тогда влиятельный пост председателя Российского Красного Креста. Ей удалось в те еще «либеральные» (по сравнению с 1937 г.) годы добиться освобождения А. Ф. как «ударника социалистического труда» и его реабилитации.

Философская концептуальность работы Лосева над «восьмикнижием» в 1920-е гг. определялась гегелевской диалектико-метафизической доктриной. Она, правда, была помножена на платоновско-неоплатоновскую терминологию – «эйдетический логос», «ноэтическая логика» и др. Не менее важный момент этого терминологического синтеза – имяславская метафизика, согласно которой даже вселенная есть «имя и слово», читаем мы в «Философии имени». Другой важнейший фактор составляет *мифология*, объявляемая наукой о бытии, а сам миф – личность. Как и Гегель, Лосев растворял законы формальной логики в категориях диалектики. Вместе с тем «диалектика – универсальный метод... ему подчинена не только логика, не только экономика и не только история и культура, но и самая дикая магия, ибо она тоже есть момент и логики, и экономики, и истории, и культуры», – приводит эту сверхтотальную формулу диалектики вдова А. Ф. А. Тахо-Годи в его биографии «Лосев». Однако перейдя на позиции марксизма (см. далее), А. Ф. стремился осмысливать диалектику в его духе, о чем свидетельствует сборник статей «Страсть к диалектике».

* * *

Когда мы с М. Овсянниковым достаточно близко сблизились с Алексеем Федоровичем, он уже не раз объявлял о своем переходе на позиции марксизма и демонстрировал теперь эту позицию в своих книгах. Такова его весьма содержательная книга «Гомер». Не перечисляю здесь других, в сущности, вся десяти томная «История античной эстетики» в общем написана с тех же позиций. По-прежнему мы удивлялись сверхработоспособности А. Ф. Она не очень понятна даже в 1920-е гг., когда он писал с явно ослабленным зрением (толстые очки на студенческой фотографии). В лагере его зрение стало близко к полной слепоте, поэтому теперь

тексты нужных материалов он слушал от секретарей, аспирантов, продумывал их и диктовал стенографисткам.

Немаловажным признаком марксистского духа А. Ф. стала и его энергичная критика буржуазной философии. Таково, например, его послесловие к книге Хюбшера «Великие философы». Вскоре после ее выхода мы сидели рядом с Валентином Фердинандовичем на Ученом совете факультета. Листая это послесловие, В. Ф. сказал мне: «Ну и откальывает на старости лет. Прямо громилой стал. Бешеный темперамент. Но он нас всех переживет». (А. Ф., будучи старше В. Ф. на год, пережил его на 23 года.)

«История античной эстетики» при всех замечаниях, которые можно сделать к любой книге, в целом представляет собой выдающийся труд по античной философии и культуре. Не менее, если не более важным и нужным предприятием стало издание всех диалогов и писем Платона. Такие попытки предпринимались и в дореволюционной России. В конце 1920-х гг. издание платоновских произведений начали Жебелев, Карсавин и Радлов. Они смогли опубликовать пять выпусков, но власти закрыли возможность их продолжения. Марксистско-ленинское руководство книгоизданий настроено относительно публикаций основоположника «поповщины». Начавшаяся перестройка помогла не без труда добиться издания Платона только в трех томах. Я уже несколько лет работал по совместительству в Институте философии, и мне было поручено в многотомной и авторитетной библиотеке «Философское наследие» курировать и издавать некоторые из ее томов (поочередно с А. В. Гулыгой). Редакции удалось обойти предписание министерства, разбив второй том на два полутома, чтобы таким образом поместить все диалоги Платона и пять его писем вместе с подложками.

Руководить изданием поручили А. Ф. Лосеву, к редактированию «Государства» был привлечен и В. Ф. Асмус. Отношение к вполне реабилитированному и уже много публикующемуся Лосеву у некоторых начальников всё же оставалось настроенным. Директор института Б. С. Украинцев сказал мне, что особо внимательно надо прочитать вступительную статью ко всему изданию (это был 1967 г.). Мы с тогдашним заведующим редакцией истории философии издательства «Мысль» В. С. Костюченко внимательно ее прочитали и собрали редакционное заседание. Митин, формально председатель редколлегии библиотеки «Философское наследие», как всегда, отсутствовал. Был только В. Ф. Асмус, который, прочитав статью, пожал плечами. Но нам с Костюченко необходимо было делать замечания. Так, чуть ли не в самом начале автор заявил: «Читать Платона по-русски все равно, что Бетховена исполнять на балалайке!» Следует ли тогда издавать его для широкого круга читателей? (Соколов, Костюченко и весьма квалифицированный редактор и переводчик С. Шейнман-Топштейн.) Явно «подстраиваясь» под марксизм, автор выдал словосочетание «материалистический идеализм Платона». Я сказал: «Алексей Федорович! Ведь получается “деревянное железо”, и к нам сразу прицепятся всякие догматики от марксизма. Не лучше ли сказать “космологический идеализм Платона”, по сути та же мысль, но возражать против нее вряд ли кто сможет».

Среди других несуразностей было выражение «эйдос рваного пиджака Ленина». Статью отложили, я ушел, но мне позвонил В. С. Костюченко: «В. В., пришел Гулыга (опоздавший член редколлегии) и стал кричать, что статья А. Ф. очень хороша и надо ее одобрить». Я ему позвонил: «Зачем ты приперся, совсем не интересуясь Платоном?» Арсений Владимирович отвечает мне, что отвергать статью – значит ставить под угрозу всё издание и расстраивать Лосева, который может заболеть. Я его заверил в противоположном (он тогда впервые увидел Лосева). Через день-другой мне с обидой позвонила Аза Алибековна, как бы повторив Гулыгу. Мы условились о встрече у них в квартире, и через два-три дня она там произошла. Мы с Костюченко повторили свои принципиальные замечания, а Аза Алибековна и Сесиль Шейнман-Топштейн работали над текстом. Продолжали такую работу два вечера. А. Ф. сидел здесь же, ухмылялся, приговаривая: «Поучите, поучите старика, как писать». Полученный результат читают теперь многие. Но вступительная статья – второстепенный, если не третьестепенный

элемент этого великолепного издания. Главное – отработанные тексты великого мыслителя. (С. Шейнман-Топштейн: «Алексей Федорович, русский язык позволяет передать оригинал не хуже, чем он звучит по-гречески!»)

Но вклад самого Лосева во все платоновские диалоги заслуживает всяческой похвалы. Ведь совсем не просто понимать скрытую и извилистую суть диалогов Платона. Вступительные очерки А. Ф. к каждому диалогу вдвойне и втройне помогают читателю вникнуть в него.

Вместе с его литературной активностью и обсуждением его трудов философской и околофилософской братией, среди которой появилось немало восторженных почитателей, росли известность и авторитет Лосева как последнего философа Серебряного века русской культуры, к тому же пострадавшего от карательных органов и марксистско-ленинских догматиков. Благодаря энергии Азы Алибековны, заведовавшей кафедрой классической филологии МГУ, и нашим общим усилиям в 1985 г. Лосеву была присуждена Государственная премия. Дом на Арбате, где находилась его квартира, был трансформирован в «Дом Лосева» (за ним, во дворе, возведен его бюст) с библиотекой и небольшим залом, в котором происходят различные философские действия.

* * *

Калейдоскоп деканов философского факультета в предвоенные, военные и послевоенные годы завершился в 1952 г., когда деканом стал Василий Сергеевич Молодцов, возглавлявший факультет и кафедру диалектического материализма до 1968 г. Имея пестрое партийное образование и популярные работы по марксистско-ленинской тематике, В. С. отличался устойчивым характером, доброжелательностью и дипломатической жилкой, позволявшей ему гасить в зародыше те или иные противостояния между кафедрами или преподавателями. На факультете воцарился «застой», однако не все кафедры одинаково его демонстрировали.

Кафедру истории русской философии, возникшую в значительной мере как результат дискуссий вокруг III тома «Истории философии», возглавлял сначала М. Т. Иовчук, а после его отправки в Минск – профессор Иван Яковлевич Щипанов. Он, как и другие преподаватели кафедры, окончил философский факультет еще в МИФЛИ. Со временем здесь появились и выпускники философского факультета МГУ. Ущербность теоретического содержания лекций и семинаров этой кафедры заключалась в том, что оно почти исключительно черпалось в произведениях русских революционных демократов (Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, к которым добавлялись Ломоносов, Радищев). Их проработка в отрыве от западноевропейской философии, идеи которой они во многом (а некоторые и исключительно) развивали, обедняли курсы и семинары, что приводило к значительному падению авторитета кафедры. Студенты выразили его в иронической строфе:

Абсолютная идея завершила полный круг,
Вместо Гегеля – Белецкий,
Вместо Шеллинга – Васецкий,
Вместо Канта – Иовчук!

Внутри кафедры возникли тяжелые конфликты между молодыми преподавателями (особенно Е. Г. Плимаком и М. Ф. Карякиным) и Щипановым и Иовчуком, которых резко критиковали за догматический примитивизм преподавания, полное игнорирование теоретически богатого и неоднозначного русского идеализма конца XIX–XX вв. (Соловьев, Бердяев и др.). Эти острые и неприятные конфликты выносились на общие партийные собрания факультета. Руководству кафедры удалось изгнать из ее состава нескольких молодых «бунтарей», заменив их старшими и давно знакомыми им преподавателями (Ш. Мамедов, М. Шестаков). Радикаль-

ные изменения в деятельности кафедры, ориентирующей на все направления русской философской мысли, произошли лишь к началу 1980-х гг., когда умер И. Я. Щипанов и отошел от преподавания М. Т. Иовчук. Теперь ее деятельность стала осуществляться новым поколением преподавателей, ориентировавших преподавательскую и научную работу на произведения весьма компетентных русских дореволюционных идеалистов (Соловьев, Бердяев, Лосский, Ильин, Вышеславцев, Карсавин и других), большинство которых оказались в эмиграции и вели там активную литературную деятельность. Изучение революционных материалистов-демократов отошло на второй и третий план.

Длительное время, как отмечено выше, учение Маркса и Энгельса преподавалось на кафедре истории зарубежной философии, а произведения Ленина и Сталина – на кафедре русской философии. После разоблачения культа личности в 1956 г. была оформлена кафедра истории марксистско-ленинской философии, которой пять лет руководил М. Т. Иовчук, на этот раз прибывший из Свердловского университета. Его сменил профессор Григорий Степанович Васецкий, окончивший в молодости Херсонский педагогический институт и переехавший в Москву. Он работал в аппарате ЦК партии, был одним из друзей Г. Ф. Александрова, который выдвинул его на пост директора Института философии (1946) после ухода с него В.И. Светлова, но проработал в этом качестве лишь до философской дискуссии 1947 г., когда на тот же пост вернулся его друг. Кафедрой истории марксистской философии он заведовал восемь лет, но был снят с этого поста решением парткома МГУ. В его деятельности на посту директора института знаменателен один факт, весьма характерный для морального облика руководящих эпигонов. Как рассказывал мне весьма осведомленный Павел Тихонович Белов (подтверждения я слышал и в самом Институте философии), Григория Степановича как директора «главного учреждения философии» на совете выдвинул в члены-корреспонденты АН СССР М. Б. Митин, давший ему высокую характеристику ученого и администратора. Все присутствующие с этой характеристикой согласились и дружно проголосовали. Когда же открыли секретный ящик, обнаружилось, что все шары, включая и митинский, оказались черными. Об этом скандале доложили секретарю ЦК партии Г. М. Маленкову, который в адрес Митина сказал лишь одно: «Вот сволочь!»

Здесь нелишним будет сказать и о печальной участи самого Г. Ф. Александрова. Председатель Совета министров (после смерти Сталина) Маленков выдвинул его в 1954 г. на пост министра культуры. Многие говорили, что некто Кривошеин, служивший в Малом театре, на своей даче в Валентиновке устраивал веселые вечера, на которых вокруг министра и его приближенных кружились артистки и артисты. Среди них обычно говорили о красавице Алле Ларионовой (сыгравшей тогда главную роль в кинокартине «Анна на шее»), с которой у министра был чуть ли не интим. Хрущеву доложили об этих сборищах на частной даче как чуть ли не о притоне с участием министра культуры. Хрущев в то время копал под Маленкова, чтобы снять его с поста председателя Совета министров, и, поскольку Александров был его выдвиженцем, глава партии раздул дело «притона», устроил ему партпроработку и снял с поста министра. (Ирония «доброжелателей»: «За Анну – по шее».) Бывший министр культуры вынужден был уехать в Минск, где заведовал сектором диамата-истмата в Белорусской АН. Время от времени он навещался в Москву. Бывший ученый секретарь ИФ АН Георгий Васильевич Платонов, не потерявший хороших отношений со своим бывшим начальником, посетил его на даче. Позже он говорил мне, что академик заболел «русской болезнью». Александров умер от цирроза печени на 54-м году жизни в июне 1961 г. Я присутствовал на его панихиде в Институте философии. С большой прощальной речью выступил посланец белорусской Академии наук, тогда как тогдашний директор Института философии, когда-то выдвиженец покойного П. Н. Федосеев молча стоял у гроба, поручив произнести прощальную речь от института своему заместителю А. Ф. Окулову.

Дело о «притоне» на даче Кривошеина после смерти Хрущева было дезавуировано, дачу вернули его владельцу, но Александров, увы, не дожил до этого события.

* * *

Одним из последствий разоблачения культа личности Сталина стало некоторое оживление философской жизни на факультете и, пожалуй, в еще большей мере – в Институте философии. И там, и на факультете усилились контакты с философами стран социалистического лагеря. Наиболее интересными и плодотворными, по моему убеждению, они оказались с поляками. Дисциплинированные марксисты ГДР в общем твердо держались за догмы «основоположников», не уступая, если не превосходя здесь советских коллег. Значительно отличались от них польские философы. У них не выслали немарксистских, серьезно образованных интеллектуалов старшего поколения, как это было у нас со злополучным кораблем (да и не только с ним), и молодые философы обладали значительно большими возможностями контактов с умудренными стариками. К тому же они довольно интенсивно общались и с европейскими интеллектуалами от философии и не без основания считали себя посредниками между европейской и советской философией, прозябавшей в догмах марксизма, умноженного на ленинизм.

В 1959 г. наш факультет посетила порядочная делегация философского факультета Варшавского университета. Ее возглавляла декан того факультета Янина Котарбиньска. Родившаяся в русской Польше, она великолепно владела русским языком, весьма выделяясь на фоне речи нашего Василия Сергеевича. К тому же Котарбиньска была значительным логиком и много общалась с Софьей Александровной Яновской (о ней вспомню в дальнейшем). В Польше существовала Львовско-Варшавская школа логики, далеко продвинувшая ее математическо-логическое содержание, в то время как на нашем факультете она делала только первые шаги.

В следующем 1960 г. небольшая группа с нашего факультета прибыла на философский факультет Варшавского университета. Я тоже был в ее составе. Меня, как и Богомолова, прибывшего сюда, более всего интересовали контакты с историками философии. Были встречи и коллоквиумы. Я встречался с Брониславом Бачко, специалистом по французскому Просвещению, а с Лешекком Колаковским мы провели довольно длительную беседу у него в квартире. Он тогда только что опубликовал книгу «Личность и бесконечность. Свобода и антиномии свободы в философии Спинозы». Мы говорили не только о ней, но и о политическом поприще философии в СССР, во многом и в Польше. Этого высокоталантливого человека, учившегося у нас в ВПШ, поносил как злостного ревизиониста Нарский, Иовчук и некоторые польские ортодоксы. Гомулка, генсек ЦК ПОРП, его терпел, но Герек выдворил из Польши. Осевший в Оксфорде, Колаковский в конце 1970-х гг. опубликовал огромное, в трех томах, исследование «Основные направления в марксизме», которое многие зарубежные марксологи трактовали как лучшее философское исследование этой идеологии за всю ее историю. У нас оно так и не переведено.

* * *

Страдания философии в СССР определялись жестоким догматизмом, в принципе полностью противопоставлявшим ее всем тогдашним философским учениям, трактуемым как «буржуазные». «Пролетарская» философия в России объявлялась ее «ленинским этапом». Правильнее было бы называть ленинизм новым «идеологическим этапом». Сам Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» иногда говорит о марксизме как о «научной идеологии», и множество советских философов повторяли это словосочетание. Но всё же содержа-

ние философии, ее «природу», ориентированную на огромное множество явлений и фактов духовной и телесной жизни человечества, невозможно отождествить с идеологией, содержание которой определяется главным образом, если не исключительно, социальным аспектом. Хотя в первые годы советского времени находились отдельные «смельчаки», предлагавшие выбросить философию за борт, но такие заскоки свидетельствовали лишь об их философской неграмотности.

Поскольку же и учебная, и тем более литературная жизнь российско-советской философии была пронизана ленинизмом, необходимо вспомнить некоторые идеи «вождя мирового пролетариата».

Совершенно обязательным и для учащихся, и для авторов был его «Материализм и эмпириокритицизм», опубликованный еще в 1909 г. Как известно, он был написан автором из сугубо партийных намерений и заострен против тех меньшевиков и большевиков, которые увлеклись махизмом, противопоставляя его «субъективный идеализм» диалектическому материализму Маркса и Энгельса (в принципе и Плеханова, одного из основных философских учителей Ленина), а главное – против их социально-философской доктрины. Предельно расширяя идею партийности, Ленин объявил ее стержнем всей истории философии, инициированной в античности Демокритом и Платоном. С тех пор материализм и идеализм развиваются, по Ленину, как взаимоисключающие учения. Притом первое абсолютно истинно, а второе совершенно ложно, и всякая «третья линия» между ними, каковых было множество в «буржуазной философии», по Ленину, совершенно абсурдна. Идеализм систематически объявляется «поповщиной».

Гносеологическая трактовка материализма Лениным достаточно упрощенна и даже примитивна. Она грубо сенсуалистична. Объявляя материю объективной реальностью, данной нам в ощущениях, она фактически повторяла формулу Гольбаха, одного из самых последовательных французских материалистов XVIII в., которых Ленин высоко ценил как яростных отвергателей религии. Советские философы объявляли эти мысли Ленина «теорией отражения», на предмет которой писали популярные статьи и даже книги (одним из первых написал такую Т. Павлов-Досев, первый декан философского факультета МИФЛИ). Однако сам Ильин (псевдоним Ленина), считая ощущения адекватными образами внешних вещей, по сути, повторял так называемую теорию наивного реализма и с этих позиций подверг критике, как идеалистическую, «теорию иероглифов» Плеханова, которая подчеркивала сложность чувственного восприятия вещей человеком. Ученица Плеханова Аксельрод-Ортодокс в своей рецензии наopus Ленина раскрыла его полную философскую некомпетентность. Всего рецензий на компилятивное, философски примитивное и стилистически грубое до неприличия творение большевика из дворян было шесть, самую основательную, ироничную, как и другие рецензии, под заголовком «Наука и религия» опубликовал А. Богданов. Фактически незамеченный философской общественностью и забытыйopus был переиздан только в 1920 г., когда Ленина провозгласили вождем мирового пролетариата. Послесловие к нему по заданию автора написал один из его верных сподвижников В. И. Невский, назвавший свою статью «Диалектический материализм и философия мертвой реакции». Одобрение этой статьи Лениным не спасло автора от расстрела в 1937 г., как антисоветчика и контрреволюционера. Для нас же это эклектическое и достаточно запутанное произведение долго оставалось обязательной идейной пищей, не глотая которой, было сложно и даже невозможно сдавать экзамены по философии.

По-видимому, Ленин и сам осознал поверхностность своего творения. В 1914–1915 гг. в условиях мировой войны и фактической освобожденности от партийной борьбы, он, проживая в Берне и в Цюрихе и приобретя значительный досуг, решил расширить и углубить свое философское образование, читая, конспектируя и делая выписки из различных философских произведений. Немного заглянул даже в «Метафизику» Аристотеля. Наибольшее же внимание Ленин уделил «Науке логики» и «Лекциям по истории философии» Гегеля. Весь этот корпус

записок, полностью опубликованный в 1933-1936 гг. и повторенный в 1947 г. огромным тиражом в 100 тыс. экз., обычно называется «Философские тетради».

Хотя они часто трактовались советскими философами как подготовительные материалы для более целостного труда, всё же они достаточно определенно выражают суть философской ментальности Ленина. Так, поражает своей сумбурностью и противоречивостью ленинский конспект «Науки логики» Гегеля. Между тем автор уверяет, что «Капитал» Маркса «нельзя вполне понять... не проштудировав “Логики” Гегеля» (см. «Философские тетради». М., 1969). Действительно, Маркс однажды признался, что в главе о стоимости своего главного произведения он иногда «кокетничал» гегелевской манерой изложения, но объявить гегелевскую «логику» ключом к смыслу всего «Капитала» – значит очень плохо понимать этот смысл. Как известно, Энгельс и Маркс пытались «перевернуть» систему Гегеля «с головы на ноги», опираясь на его же умозрительный, «диалектический метод», что принципиально невозможно, ибо эта система может стоять только «на голове». Энгельс много трудился над этой операцией, но в сущности завершил ее тем, что объявил диалектику Гегеля тотальной теорией развития, что в советской философии породило множество недоразумений и споров. Ленин тоже пытался поставить эту систему «на ноги», выкидывая при чтении «Науки логики» «боженьку», «абсолют», «чистую идею», что по сути приводит к кастрированию этой системы. Если теория отражения в «Материализме и эмпириокритицизме», разоблачая «субъективный идеализм» махистов, подчеркивает определяющую роль внешней реальности, воспроизводимой образами чувств, то теперь автор заявляет, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его».

Множество замечаний Ленина по тексту «Науки логики» свидетельствуют, что она никак не может служить ключом к «Капиталу». Тут и «пустота», и «длиннота», и «неясность», и «темнота» и просто «мистика». Правда, когда Ильич что-то уясняет, появляются восторженные похвалы, вроде «верно и глубоко», «очень умно» и т. п. Возможно, в этой связи Ленин считал себя знатоком диалектики.

Давая характеристики наиболее способным членам ЦК РКП(б) в своем известном «Завещании», Ленин назвал Н. И. Бухарина «любимцем партии», но вместе с тем указал на его слабость в диалектике и даже склонность к схоластике. Сам же критик Бухарина (который в те годы сблизился с Богдановым) в небольшом фрагменте «К вопросу о диалектике» в тех же «Тетрадах» вполне догматически, как начинающий студент, приводит примеры «тождества взаимоисключающих противоположностей», почерпнутых в элементарных науках, иллюстрирующих «диалектичность» знания (+ и –, дифференциал и интеграл в математике, действие и противодействие в механике и т. п.), притом противоположности отождествляются с противоречиями и т. п.

Автор этих очерков не ставит перед собой задачи подробно рассматривать «Философские тетради» Ленина, которые всё же были конспективны и не доведены до публикации. Необходимо, однако, обратить внимание на те формулировки автора, которые одних советских философов ставили в тупик, а другие пытались их по-своему развивать не в лучшую сторону, не понимая, в чем же их подлинная суть. В первом случае Ленин утверждает, будто в «Капитале» «применена к одной и той же науке логика, диалектика и теория познания материализма (*не надо трех слов, это одно и то же*)». Автор «Тетрадей» запомнил сверхважные философские понятия, в сущности даже только термины, но их отождествление свидетельствует о непонимании их действительного содержания в (истории) философии. Гегель, систематизировавший категории диалектики как достоинство высшего, теоретического мышления и противопоставивший их обычной, формальной логике как низменному повседневному мышлению (усилено Энгельсом), воспринят и в «Философских тетрадах», хотя выражено это здесь достаточно смутно.

История философии свидетельствует, что дорога к точности научно-философского мышления проходила от платоновско-схоластической «диалектики» к формальной логике. Между тем споры о соотношении логики формальной и так называемой логики диалектической составили одну из определяющих проблем советской философии. «Виноват» здесь был Гегель, более чем некорректно употребивший термин «логика» в названии своего главного произведения и в раскрытии содержания этого опуса. Более адекватным у самого Гегеля, который в противовес иррационализму романтиков и Шеллинга максимально расширил содержание понятия «логика», был бы родственный ему термин «методология». Энгельс закрепил эту некорректность. Ленин его «поддержал» не только в «Философских тетрадах», но и в большой программной статье «О значении воинствующего материализма» (1922, в теоретическом журнале партии «Под знаменем марксизма»), в которой, восхваляя французский материализм XVIII в. за его воинственную критику «поповщины», вместе с тем категорически рекомендовал не только систематически изучать «диалектику Гегеля», но и организовать общество ее «материалистических друзей». В этом контексте советские философы обычно призывали различать «материалистическую диалектику» и «идеалистическую диалектику», игнорируя, что она в качестве *метода мышления* не должна быть ни материалистической, ни идеалистической. Другое дело те результаты, к которым мог приводить этот метод, ибо онтологический статус реальности определяется не только им. К тому же Энгельс объявил диалектику универсальной парадигмой движения и развития всего сущего.

Все названные моменты подвинули многих советских философов к попыткам доказать превосходство «диалектической логики» над логикой формальной. На философском факультете МГУ докторские диссертации на эту тему защищали В. И. Мальцев, В. И. Черкесов, сменивший П. С. Попова в заведовании кафедрой логики в 1947 г., М. Н. Алексеев, тоже заведовавший этой кафедрой после предыдущего. Однако крупнейшие специалисты кафедры В. Ф. Асмус и П. С. Попов были специалистами по традиционной, формальной логике. Они понимали, что в западноевропейской философии уже давно к тому времени была разработана точная методика, трансформировавшая формальную логику в логику математическую, приобретающую и техническое назначение. Но в СССР она делала только первые шаги на механико-математическом факультете.

Валентин Фердинандович сокрушался, что он уже стар, чтобы достойно овладеть этой формой логического, символического мышления, и перешел на нашу кафедру, поскольку история философии представляла основной его интерес. Вместе с тем он говорил нам, что традиционная формальная логика пронизывает историю философии и совершенно необходима тем, кто по ней специализируется. Александр Сергеевич Ахманов, ученик дореволюционного высокообразованного философа Б. П. Вышеславцева, высланного из России на пресловутом корабле в 1922 г., очень ценимый В. Ф. Асмусом («Александр Сергеевич – не ум, а граненый хрусталь»), по адресу почитателей «диалектической логики» говорил: «Гоняют категории диалектики, не зная логики элементарной. Между тем формальная логика – это логика честного человека». Но адепты «диалектической логики», неспособные к овладению логикой математической, символической, настойчиво уверяли, что она вовсе не философская, а по сути позитивистская и т. п. Но они были не в силах предотвратить ее преподавание на философском факультете. Даже когда уже после увольнения М. Н. Алексеева с места заведующего кафедрой логики была всё же образована кафедра диалектической логики во главе с академиком М. Б. Митиным, она так и не смогла начать реальную работу и самоликвидировалась.

В советских философских рассуждениях закрепилась главным образом трактовка диалектики как универсальной теории развития, каковой она не могла быть в противоположность тому, что обнимается термином «эволюция». Ленин, однако, осуждая этот термин в «Философских тетрадах» как недостаточный и даже ложный, закрепил трактовку диалектики Энгельсом. И она «заразила» не только руководящих эпигонов-академиков, но и стала

универсальной парадигмой у множества субъективно честных профессиональных философов, толкая их на путь неопределенности ее смысла и даже ассоцианизма терминов. В 1970–1980-х гг. Институт философии, задействовав множество авторов, опубликовал восьмитомник по диалектике именно в этом смысле.

Против такого сугубо онтологического понимания «материалистической диалектики» выступили философы молодого поколения, которые толковали ее главным образом, если не исключительно, универсальным методом *осмысления* всех феноменов ментальности. Так, по сути, трактовал ее и А. Ф. Лосев. На философском факультете инициатором аналогичного осмысления (совершенно независимо от лосевского) выступил молодой преподаватель Эвальд Васильевич Ильенков. В 1956 г. он выступил с докладом на эту тему на ученом совете факультета. Хотя фактически в его докладе содержалась критика господствующего догматизма, но она была выполнена достаточно туманно и весьма слабо в речевом аспекте. Члены совета, в большинстве своем устойчивые догматики, и даже более молодые преподаватели не восприняли его всерьез. Тем не менее среди последних возник интерес к вопросам гносеологии. К идеям Ильенкова примкнул преподаватель нашей кафедры В. Коровиков, появились и другие любители. В бдительном парткоме МГУ забеспокоились: нет ли крамолы, олицетворяемой «гносеологами»? В парткоме философского факультета было рассмотрено «дело» Коровикова, который, получив «строгача», покинул факультет.

Ильенкову тоже пришлось перейти в Институт философии, в котором после XX съезда КПСС стала всё более оживать духовная и идейная жизнь. Сталин, не жаловавший умозрительной гегельянщины и пригасивший к ней интерес своим «меньшевистствующим идеализмом» и совершенно ложной трактовкой ее социального содержания, в этих условиях стал подвергаться разрушающей критике и как философ (кем он, по сути, и не был), в частности и за его антигегельянство. Произведения Гегеля стали снова издаваться, теперь в библиотеке «Философское наследие». Эвальд стал одним из активных сторонников и литературных пропагандистов этой философии («Гегельенков»). Он переключился и на защиту «диалектической логики» и получил многих сторонников не только в Москве («школа Ильенкова»).

Но названная «логика» получила и другой гносеологический аспект при переключении ее трактовки с произведений Энгельса на «Капитал» Маркса. Здесь Александр Александрович Зиновьев один из первых защитил диссертацию, трактуя в принципе исконную гносеологическую проблему «От абстрактного к конкретному». В дальнейшем, перейдя в Институт философии, он стремился освоить и математическую логику, два года заведовал кафедрой логики на философском факультете по совместительству.

Огромная роль в становлении преподавания, а затем и исследований в области символической логики принадлежит Софье Александровне Яновской. Она была того же поколения, что и П. С. Попов и В. Ф. Асмус, но, в отличие от них, имела математическое образование. Работая в МГУ с 1925 г., она уже в 1936 г. читала здесь курс математической логики. Добрейшая женщина, она обладала большим мастерством лектора и высоким педагогическим талантом, всегда учитывавшим запросы и способности своих слушателей. Свой курс на философском факультете она начала читать с 1955/1956 учебного года. Ее слушателями были не только те, кто уже окончил факультет, но и некоторые его преподаватели (П. С. Попов, В. И. Черкесов, Е. К. Войшвилло и др.). Из ее школы вышли серьезные и увлеченные специалисты по математической логике, преподававшие на философском факультете, работавшие в Институте философии и в некоторых других местах. Назову здесь тех, кто внес наибольший вклад в деятельность факультетской кафедры логики.

Весьма продуктивную роль сыграл на этой кафедре Евгений Казимирович Войшвилло. Математик по образованию, окончивший Казанский университет еще до войны, после нее он учился в аспирантуре кафедры логики и психологии Академии общественных наук, где и защитил кандидатскую диссертацию. В 1949 г. он стал одним из ведущих преподавателей, а затем и

профессором кафедры логики. Его докторская диссертация «Понятие как форма мышления», увенчанная премией им. М. В. Ломоносова, раскрывала философское содержание математической логики. Евгений Казимирович отличался предельной научной и человеческой честностью, в частности, «разоблачая» на партийных собраниях любое начальство, если оно недостойно вело себя как руководство.

Среди логиков, вышедших из школы С. А. Яновской, но учившихся на философском факультете, выдающимся специалистом в различных аспектах символической логики и эпистемологии был Владимир Александрович Смирнов, один из тех специалистов, которые подняли эту трудную область знания на международный уровень. Николай Иванович Стяжкин, работавший на философском факультете как совместитель, был весьма компетентным историком общей и символической логики, в частности логики средневековых западноевропейских схоластиков. Дмитрий Павлович Горский, заведующий различными секторами в Институте философии более четверти века, был профессором и кафедры логики. Среди многих работ Д. П. (и не только по математической логике) особое место занимают два учебника для средней школы, в которых впервые в отечественной педагогике привлечены идеи и методы математической науки.

В 1968 г. состоялись пере выборы декана философского факультета, на которых Василия Сергеевича Молодцова, проработавшего в этой должности пятнадцать лет, заменил Михаил Федотович Овсянников, который к тому времени уже несколько лет как организовал кафедру эстетики и руководил ей. Ее появление стало весьма положительным фактом духовной жизни факультета, усиливавшим его связь с театральной и литературной жизнью, деятели которых сами стремились к такому сотрудничеству. Правда, предмет преподавания назывался «марксистско-ленинской эстетикой», предписывающей ориентироваться и на «социалистический реализм», но умудренные специалисты научились соблюдать форму, оставляя в тени надуманное содержание.

Еще более трудным стало преподавание «марксистско-ленинской этики», предмет которой с его категорическим утверждением классово-природной природы этических категорий звучал как «деревянное железо». Тем более что несколько лет этика обреталась на кафедре эстетики, где по первому предмету не было сколько-нибудь удовлетворительных специалистов. Ситуация радикально изменилась, когда самостоятельную кафедру «марксистско-ленинской» этики возглавил в 1980 г. профессор Сергей Федорович Анисимов, хорошо образованный и вдумчивый ученый, участник Великой Отечественной войны. Насыщая этот благородный предмет историко-философским и жизненным содержанием, он поднял его на должный уровень преподавания и осмысления, что значительно повысило его авторитет среди студентов и аспирантов. Идейная насыщенность этого предмета значительно снизилась с приходом в 1986 г. нового заведующего Александра Ивановича Титаренко, который во многом растворял его в марксистско-ленинских идеологизмах.

С конца 60-х и в последующие годы XX в. оживление философской жизни на факультете во многом определялось появлением новых кафедр в условиях нарастающей эрозии марксистско-ленинской идеологии, но этот процесс достиг своего максимума лишь в 1990-е гг. В частности, появилась самостоятельная кафедра исторического материализма наряду с кафедрой диалектического материализма. Ее заведующим стал упоминавшийся выше партийный и философский политик Дмитрий Иванович Чесноков, перешедший на философский факультет. Хороший лектор, человек открытый и симпатичный, он был, можно сказать, противоположностью М. Т. Иовчуку.

Очень трудно и долго проходила в конце 1960–1970-х гг. борьба факультета за открытие кафедры социологии. Министерство высшего образования, и прежде всего заместитель министра Н. И. Мохов, доказывали, что раз на факультете теперь имеется самостоятельная кафедра исторического материализма, особая теоретическая кафедра социологии излишня.

Лишь когда эти споры были перенесены на страницы печати (прежде всего в «Литературную газету»), министерство дало добро на организацию кафедры методики конкретных социальных исследований (1968). Так был сделан небольшой шаг к будущему социологическому факультету.

Заведовать этой кафедрой стала компетентная и мудрая Галина Михайловна Андреева. Она стремилась расширить деятельность кафедры до общесоциологических масштабов, однако не нашла на факультете должного понимания и поддержки. Но ее поддержали ректор университета Иван Георгиевич Петровский и декан факультета психологии Алексей Николаевич Леонтьев. Перейдя на этот факультет, Галина Михайловна образовала здесь кафедру социальной психологии, которой руководила много лет. Она была и членом Академии образования и скончалась в мае 2014 г.

Я проработал в Институте философии более двадцати лет. Учредил здесь новое издание, назвав его «Памятники философской мысли», как бы параллельное «Философскому наследию». Во главе редколлегии был поставлен академик Бонифатий Михайлович Кедров, ушедший с постов директора Института философии и Института истории естествознания. Совершенно правильно понимая свою роль, он позвонил в издательство «Наука», категорически заверив их, что реальным руководителем издания являюсь я, предоставив мне как бы карт-бланш. Я образовал небольшую дельную редакцию, и мы издали ряд ценных изданий, в частности, два тома главных сочинений Шопенгауэра, не издававшихся с дореволюционных лет, и др. Но к тому времени всюду бушевала перестройка, я перестал совмещать в Институте философии, передав «Памятники философской мысли» академику Т. И. Ойзерману и профессору А. Л. Субботину (реальный заместитель), а сам полностью сосредоточился на философском факультете.

Здесь произошли значительные изменения. Умерли профессора «среднего» возраста, на плечах которых десятилетиями держалась педагогическая и научная работа: Юрий Константинович Мельвиль, заведовавший кафедрой почти четверть века, Аниюр Мусеевич Каримский, Игорь Сергеевич Нарский (правда, перешедший в АОН за два года до смерти), Михаил Петрович Новиков, заведовавший кафедрой научного атеизма, тесно сотрудничавший с нашей. Все они скончались в 1993 г.

Положительным изменением в кафедральной структуре факультета следует считать ликвидацию кафедры истории марксистско-ленинской философии. Целое десятилетие после М. Т. Иовчука и Г. С. Васецкого ею руководил профессор Анатолий Данилович Косичев, который одновременно с успехом исполнял должность декана философского факультета. Из профессоров этой кафедры выделялся своей партийной принципиальностью Сурен Тигранович Калтахчян, принадлежавший к нашему поколению. Он основательно исследовал воззрения выдающегося большевика С. Т. Шаумяна, расстрелянного англичанами в 1918 г., и был убежден, что, если бы не это печальное событие, именно Шаумян, а не Сталин возглавил бы партию после смерти Ленина и Страна Советов не пережила бы столько трагических и печальных событий.

Программа КПСС, принятая на XXII съезде, поставила как первостепенную задачу строительства «нового человека» многостороннее развитие всех его способностей (что, в сущности, предвидел и Маркс в своем бессмертном «Капитале»). Закономерно, что в таком историческом контексте появилась новая синтетическая дисциплина «культурология». На философском факультете ее необходимость была совершенно настоятельна, ибо здесь преподавалась только усеченная западная история, отсутствовала всеобщая литература, фактически не было древних языков. В результате больших хлопот на уровне деканата, ректората с привлечением нескольких выдающихся специалистов удалось создать оригинальную кафедру истории и теории мировой культуры.

В XXI в. философский факультет обновился новыми кафедрами: методологии естественных и гуманитарных наук; онтологии и теории познания (эпистемологии), отчасти пред-

ставлявшей трансформацию бывшего диалектического материализма (систематическая философия); кафедрой социальной философии (отчасти трансформация кафедры исторического материализма). К 250-летию МГУ имени М. В. Ломоносова философский факультет, подобно многим другим факультетам университета, опубликовал несколько классических университетских учебников. Теперь, в начале XXI в., философский факультет стал одним из ведущих гуманитарных учебных заведений России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.